This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

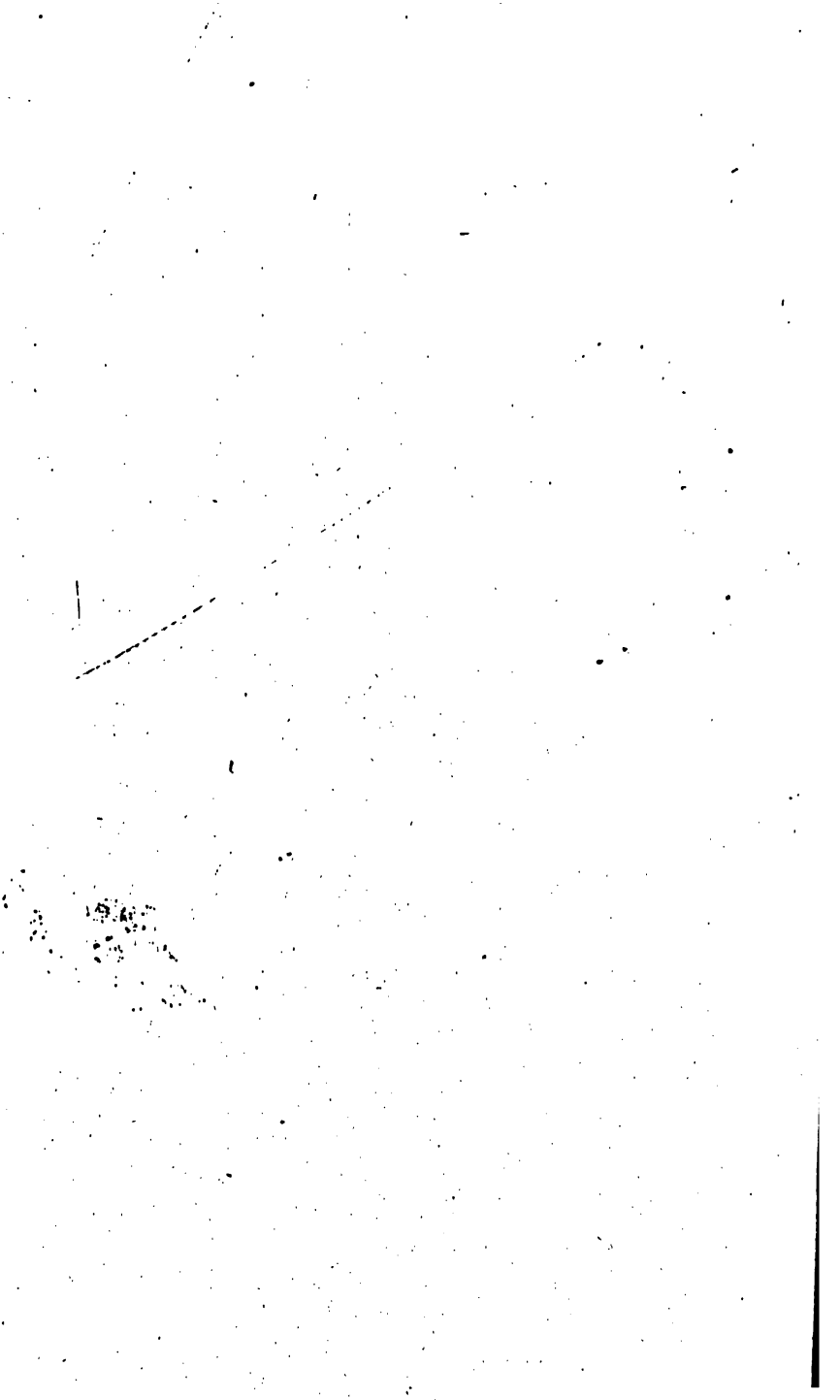
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 934,114

PROPERTY OF
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1960.



ЧТЕНІЕ

въ

БЕСѢДѢ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

КНИЖКА ТРЕТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1811 ГОДА.

NEW YORK
PUBLIC

61-212676-646

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770992A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

805
B554
v.3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки, и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ Іюля 31 дня 1811 года.

Цензоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковскій.

ЭКЗЕМПЛЯР
ЗДЕСЬ

О СТИХОТВОРСТВѢ.

Намѣреніе мое не въ томъ состоитъ, чтобъ говоря о стихотворствѣ преподавать науку онаго, слѣдственно не упомяну о стопосложеніи, о метрѣ, риѳмѣ, стихахъ, о различныхъ оныхъ именованіяхъ по числу стопъ и о правилахъ на тотъ или иной родъ поэзіи; желаю токмо показать, что Рускіе въ поэзіи упражнялись и упражняются съ успѣхомъ, который можетъ быть еще бы блистательнѣе былъ, ежели бы подлинныхъ образцовъ держались и нѣкоторые писатели не были, часто, копія съ копіи. Не смотря на то, что нѣтъ у насъ средняго состоянія людей, и что упражненіе наше въ словесности, почти вообще всѣхъ, есть дѣло побочное; ибо или заняты должностями служенія, или многое время и лучшіе лѣта жизни посвятили службѣ; не смо-

PERL. JAN 21 1935

тря на то, нѣтъ намъ причины постыдиться предъ иноземными, размѣряя кратковременность занятія Рускихъ поэзіею, съ цѣлыми вѣками ихъ по сей части упражненія. — Да позволится мнѣ сказать нѣчто вообще о поэзіи.

Поэзію почти съ сотвореніемъ міра соединить должно. Началомъ искуства сего былъ благороднѣйшій подвигъ: воздавать хвалу Вышнему Существу и изліять чувствованія благодарности отъ твари къ Творцу своему, толико чудесъ, и вокругъ человѣка, и въ немъ самомъ, и ради его содѣянныхъ. Необыкновенное напряженіе ума, нѣкое возвышеніе духа, должны были образоваться и выражаться отличнѣе. Общее, вседневное, простое, по нуждамъ между собою на рѣчахъ сношеніе, и недостаточнымъ и недостойнымъ быть долженствовало. Неоспоримо кажется, что страсти и воспареніе духа произвели поэтовъ; кто могъ быть образцомъ Оссіану на сѣверѣ, Орфею во Ѳракіи, Пильпаю въ Индіи.— Поэзія, обольщая слухъ музыкою размѣра, волшебнымъ нѣкакимъ средствомъ

прельстила воображеніе. Польза размѣра была та, что удобнѣе впечатлѣвалось въ памяти сказанное; выгода важная при недостаткѣ письменъ. Аравитяне, Сиріяне, Персы исторію свою стихами писали; такъ исходили и провѣщанія Греческія. — Утверждаютъ, что Ферекидъ, жившій сто лѣтъ послѣ Гомера, первый сталъ писать прозою.

Кромѣ того, что поэзія, краткостію выраженія и отборнымъ приличіемъ слова, удобнѣе оставляетъ въ памяти сказанное и удовлетворяетъ врожденной въ человѣкѣ къ сладости звука склонности; прилична она, какъ и проза, къ выраженію всего повѣствовательнаго, нравственнаго и поучительнаго. Драконъ, Ликургъ и Солонъ употребили поэзію въ законодательствѣ и политикѣ, Емпедоклъ писалъ о чудесахъ природы, Никандръ о врачебной наукѣ, Линъ о Астрономіи, Оппій о рыболовствѣ и проч.

Величайшіе умы Греціи называли поэзію языкомъ Боговъ. Они увѣрены были, что поэзія, такъ какъ и музыка, вселяетъ добродѣтели и мудрость и ис-

правляетъ нравы. На Пиѳагоровой школѣ была слѣдующая надпись: Прочь отсюда непросвѣщенные! никто не знающій гармоніи сюда да не приближится!— Пиѳагоръ, сей мужъ, слава Греціи, писалъ философію свою стихами, и о немъ сказано, что заставилъ любить мудрость, представя ее пріятною. Цари, законодатели, мудрецы, успѣхами предписывали упражненіе въ поэзіи, мысля впечатлѣвать оною въ сердца нравоучительныя истинны, познаніе изящнаго, любовь къ отечеству, почтеніе къ богамъ. Страбонъ въ первой книгѣ своей говоритъ: „Древніе называли поэзію перь„вою философіею; она посредствомъ удо„вольствія поучаетъ юношество, на„ставляетъ исполнять должности и умѣ„рять страсти. Греки говорятъ даже, „что одинъ только поэтъ есть фило„софъ, а потому во всѣхъ городахъ Гре„ціи, прежде всего, дѣтей поэзіи учили, „не съ тѣмъ, чтобъ доставить имъ про„стую забаву, но поелику почитали, „что сею наукою образуется сердце „ихъ и вперяются въ нихъ нравствен-

„ныя доблести.“ Имена мудрецъ и поэтъ были сословы. Гезіодъ въ Θеогоніи своей такъ похваляетъ поэзію: „Блаженъ чело„вѣкъ музамъ любезный! Сладкое убѣж„деніе течетъ изъ устъ его. Огорчен„ный забываетъ печаль, когда служитель „музъ воспоетъ хвалы героямъ и богамъ „безсмертнымъ.“ Порядокъ учрежденный въ обществахъ есть плодъ перваго стихотворства, говоритъ одинъ знаменитый словесникъ.

Римляне, при всей незаботливости о просвѣщеніи, при всей простотѣ обычаевъ, еще до епохи просвѣщенія знали поэзію. Молитвы къ богамъ стихами произносились, пѣсни побѣдоносныя и торжественныя въ стихахъ сочинялись; тожъ и театральныя представленія, какія тогда были. Вообще стихотворство, въ разныхъ родахъ, извѣстно уже было, и время отъ времени къ бо̀льшему совершенству приходило.

Кратесъ, съ острова Мелоса, сталъ учить въ Римѣ поэзіи Греческой и основалъ школу публичную. Ученые начали быть уважаемы и сіе уваженіе до

высокопочитанія возрасло. Обхожденіе съ ученымъ, словесникомъ и стихотворцемъ за особую честь признавалось. Ученіе стало обычаемъ, распростерлось на всѣ состоянія и къ очищенію языка способствовало.

Въ продолженіи, учились Греческому языку какъ и природному, и сіе вошло въ предначертаніе воспитанія Римлянъ. Безъ языка Греческаго, безъ свѣденія о сочинителяхъ, Грецію прославившихъ, не можно было благовоспитаннымъ назваться. Зажиточные граждане возили дѣтей въ Аѳины, ради усовершенствованія ума ихъ и изученія красотамъ піитическимъ.

Латины уступали первенство въ поэзіи Грекамъ, такъ какъ тѣ должны бъ были отдать предпочтеніе Евреямъ, обязаннымъ съ своей стороны Египтянамъ и Финикіанамъ. Профессоръ Гецель доказываетъ, что множество мѣстъ, коимъ удивляемся мы въ Гомерѣ, находятся въ Священномъ Писаніи нашемъ, до Гомера, жившаго за 1082 года прежде Рождества Христова, уже извѣстномъ. Кто осмѣлится обьявить себя въ томъ

съ нимъ согласнымъ, и такъ сказать, уменьшить честь у отца стихотворцевъ и Иліады? Достаточныль доводы Гецеля, я судить не отважусь; но, безъ большаго на словесность притязанія, сказать однакожъ можно, что красоты пѣсней Моисея, псалмовъ Царя Давида, книгъ Іова и пророчествъ Ісаія никакимъ піитическимъ красотамъ позднѣйшихъ временъ не уступаютъ. Латины, имѣя образцами Грековъ, не искали другихъ далѣе ихъ и содѣлались сами образцами для всѣхъ языковъ Европы, въ коей каждый народъ особенно, отъ начала словесности своей до самаго ея процвѣтенія, не другъ отъ друга заимствовалъ правила и примѣры, но всѣ Латинскихъ и Греческихъ писателей какъ зерцало предъ собою имѣли. Мы одни сочли, по чему-то, что писатели Французскіе и языкъ ихъ вмѣстили въ себя всѣ совершенства и красоты и все достоинство всѣхъ языковъ и нарѣчій. По скольку въ этомъ ошибаемся, то заслуживало бы особеннаго и внимательнаго разсмотрѣнія, нынѣ не принадлежащаго къ

моему предмету. Я ограничусь тѣмъ, что скажу о языкѣ только: Лукрецій. Цицеронъ, Манилій, Квинтиліанъ, Марціалъ, Сенека жаловались на недостатокъ языка Латинскаго, когда сравнивали его съ Греческимъ; сколько стихотворцевъ Французскихъ и писателей знаменитыхъ жалуются на недостатки Французскаго, съ Латинскимъ его сравнивая! Возможноль кажется быть тому, чтобъ Руской языкъ, заключающій въ себѣ не только Латинскія, но и Греческія красоты, могъ отказаться отъ преимуществъ своихъ? Возможноль изобиліе промѣнять на скудость, сладкозвучіе на жесткость, силу на слабость и чистое золото на блестящую мишуру. Я вспоминаю здѣсь справедливое уподобленіе хозяину избирающему болотистое мѣсто для построенія дома, и оставляющему выгодное мѣстоположеніе и твердую почву.

Платонъ, а за нимъ и Цицеронъ, говорятъ, что поэзія не есть наука, а изступленіе. Пиндаръ утверждаетъ, что настоящій піитъ піитомъ рожденъ быть долженъ; надѣющіеся посредствомъ

науки стать поэтами, говоритъ Пиндаръ, подобны вранамъ въ сравненіи съ божественною Юпитеровою птицею. Истинный стихотворный геній, пишетъ славный Герцогъ Букингамъ, подобенъ солнцу, сему блистательному и пылающему свѣтилу, которое временно скрывается за облако, но является міру съ бо̀льшимъ блескомъ. Такъ геній засѣняется иногда, но потомъ превосходнѣйшими красотами восхищаетъ.

Свѣтильникомъ властелиновъ и вельможъ возжигается огнь стихотворства. Вотъ что о Меценатѣ повѣствуется: мудрый Министръ сей въ точности исполнялъ намѣренія Августа. Онъ самъ упражнялся въ краснорѣчіи и поэзіи; словесность была лучшею его забавою. Общество его составляли перьвѣйшіе люди вѣка того. Незнатность породы не заграждала къ нему входа; но глупости, шутовству и развратнымъ нравамъ не были отверзты двери дома его. — Онъ не переставалъ благодѣтельствовать ученымъ, словесникамъ, а па-

че стихотворцамъ, и симъ послѣднимъ по собственной къ поэзіи склонности.

Виргилій, Горацій, Валгій бывшій Консуломъ, Варій эпическій и трагическій стихотворецъ, Фунданій отличный комикъ, Домитій Марзъ славный эпиграматистъ, Плотій Тукка поправлявшій, вмѣстѣ съ Варромъ, Энеиду, два брата Виски сенаторы и словесники, Кай Полліонъ наперсникъ Августа, стихотворецъ, Консулъ и увѣнчанный побѣдитель были друзья Мецената. Всѣ они жили согласно, не подъискивались другъ подъ другомъ и зависть не входила въ бесѣду ихъ. Но Корбилій и Корнифицій хулители Виргилія, Мевій посмѣшище Италіи, Фаннія жалостпи достойный пересудчикъ Горація, иный за поведеніе, иный за дурныя сочиненія, не были пріемлемы въ домъ. Латинскаго Парнасса насѣкомые и тѣ, съ коими Меценатъ и сообщество его не знались, имѣли особенное свое сословіе. Они сбирались у богатыхъ невѣждъ у Тигелліевъ, кои по дурному вкусу и злобѣ имъ покровительствовали. Тамъ-то злорѣчили Вир-

гилія, Горація и Мецената. Высокіе духи сіи не забопились о томъ, и брани презрѣніе противу поставляли.

Когда въ первый разъ читаны были на театрѣ Буколическія творенія Виргилія, слушатели встали и воздали творцу ихъ честь, которую воздавали только Августу.

Горацій, сынъ простаго отпущенника, Меценатомъ Императору представленный, удостоенъ былъ особой милости и откровеннаго обращенія обладателя вселенныя.

Аристотель раздѣляетъ поэзію на три эпохи: природа безъ украшенія, начало искуства, искуство до совершенства доведенное. Сію послѣднюю за основаніе взявъ, начнемъ говорить о различныхъ родахъ, на кои поэзія раздѣляется. Опредѣлимъ стихотворство наше такъ: даръ изъяснять вымыслы, или украшенную истинну, словами опредѣленной мѣры.

Эпическая и лирическая поэзія суть, безъ сомнѣнія, наивеличайшія ума произведенія. Греки успѣли въ нихъ особен-

но. Гомеру, Пиндару Латинцы отдавали въ сихъ родахъ преимущество; хотя находили Гомера въ Виргиліѣ (такъ какъ въ Цицеронѣ Демосѳена); но Горацій, лирическій первый стихотворецъ, говоритъ о себѣ, что хотя себя достигшимъ почитаетъ Алкея и Анакреонта, но не равняется съ Пиндаромъ. Сіи Греческіе и Римскіе писатели суть образцы всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ стихотворцамъ эпическимъ и лирическимъ.

Горацій стихотвореніе называетъ живописью, и Гомеръ въ семъ опредѣленіи оправдываетъ его. Сколько картинъ въ Иліадѣ! Описаніе Венерина пояса, каждая битва особенно, собраніе боговъ на Олимпѣ, щитъ Ахиллесовъ и проч: Будебы кто сказалъ, что поэзія есть училище краснорѣчія, Гомеръ оправдалъ бы и того: какое витійство въ рѣчахъ Ахиллеса, Нестора, Аякса, Улиса, Пріама, Гекубы, Гектора, Андромахи! Нѣкто, восхищенный совершенствомъ симъ, воскликнулъ: Ораторы, истиннаго витійства достичь хотящіе! читайте Гомера, онъ образецъ вамъ. Со справе-

дливостію восхититься могъ бы онъ и тѣмъ великимъ числомъ примѣровъ блистательныхъ доблестей и посрамленныхъ пороковъ, примѣры, коими исполнены сочиненія сего славнаго піита. Въ Иліадѣ изображена пылкость страстей, въ Одиссеѣ выгоды благоразумія въ нещастіи, чертами глубоко въ сердцѣ впечатлѣвающимися.

Наименованіемъ Гомера и Виргилія опредѣлено эпическое стихотворство и степени похвалъ, принадлежащихъ Мильтону, Тассу, Клопштоку, Хераскову, Волтеру и проч. Мы найдемъ у себя въ Ломоносовѣ, Херасковѣ, Петровѣ, Костровѣ и другихъ, многое для приведенія въ примѣръ величества, силы, красоты, нравственности, витійства и иныхъ качествъ героической поэмѣ свойственныхъ.

Лирическая поэзія существовала прежде всѣхъ другихъ. Въ ней у насъ многіе съ различными успѣхами упражнялися; но Ломоносовъ и Державинъ отличными себя явили такъ, что не только равняются съ лучшими изъ иноземныхъ

писателей, но и превзошли многихъ. Гордость соотчича, благодарность за удовольствіе ума и сердца и справедливость оправдаютъ, буде о сихъ мужахъ скажу то, что о Горацiѣ сказано: Въ ихъ сочиненіяхъ найдешь величество, благородство и мужественные восторги Алкея и Сапезихора, огнь и чувствительность Сафы, изступленіе и стремительность Пиндара, пріятность, живность и веселую смѣлость Анакреонта, тонкую шутку Аристофана и Менандра, благомысліе и здравую философію Сократа, Платона и Епиктета.

Г. Державинъ издаетъ разсужденіе и правила о лирической поэзіи: (чего желалося бы и на прочіе поэзіи части:) и показалъ многіе примѣры красотъ. Не трудно привести доказательства, что въ сочиненіяхъ его и многихъ иныхъ лириковъ нашихъ, можно много найти того, за что Горація похваляютъ.

Нѣкто пишетъ: Лирическая поэзія требуетъ отличныхъ талантовъ, кои въ одномъ человѣкѣ соединенными весь-

ма рѣдко быть могутъ. Благородно и искусно начертанный планъ, высокія мысли, сильно изъясненныя чувствованія, пылкое воображеніе, подчиненное однакожъ разсудку и уму, естественное, и въ тожъ время, смѣлое выраженіе, то важныхъ и величественныхъ предметовъ изображеніе, то пріятныхъ, веселыхъ и простыхъ, чувствованіе нѣжное и разборчивое, духъ свободный и гордый, а паче всего, тотъ божественный восторгъ, котораго опредѣлить не можно и который обладалъ Пиндаромъ и Гораціемъ.

Драммапическая поэзія имѣла третье мѣсто. У Грековъ славны были Есхилъ, Еврипидъ, Софоклъ, Аристофанъ, Менандръ; у Римлянъ Цецилій, Теренцій, Плавтъ. Трагедія у Римлянъ не была въ употребленіи, и есть одна только часть изъ всей словесности, въ коей Латинцы не препирались о преимуществѣ съ Греками. Двѣ или три трагедіи, вскорѣ забытыя съ именами сочинителей, не служатъ противъ сего доказательствомъ, не исключая даже и трагедіи, кои писалъ Сенека. Нынѣшняя Европа отступила

въ образѣ и вкусѣ театральныхъ представленій столько, что не льзя уже считать сію часть всю и непремѣнно къ поэзіи принадлежащею. Древніе все еще учителями почитаются, но кажется, что ученики сочли лучшимъ новую проложить дорогу, отъ того ли, что чувствуютъ себя совершеннѣйшими, или отъ отчаянія, что худо перенимаютъ. 1000 Трагедій сочинены по примѣру 3 или 4 Софокловыхъ и обо всѣхъ говорятъ, что не достигла ни одна до совершенства, которое приписуютъ Софоклу. Въ Аѳинахъ театръ былъ школа Государей, подданныхъ, священнослужителей, воиновъ, судей и всѣхъ состояній. Всѣ приходили слушать поученія добродѣтели, истинны и человѣколюбія. Мудрецы покидали ликеи и портикъ и шли слушать Есхила, Софокла и Еврипида. Зенонова и Епиктетова философія не столько приносила пользы.

О семъ родѣ словесности вотъ какое читалъ я провозглашеніе: „Употреблять „выраженія нѣжныя и трогательныя, да-

„бы заставить любить добродѣтель; впе-
„рить сильнымъ и мужественнымъ кра-
„снорѣчіемъ желаніе къ сохраненію об-
„щественныхъ обязанностей; возжечь въ
„сердцахъ храбрость, изображеніемъ люб-
„ви къ отечеству; исторгнуть слезы
„умиленія, представленіемъ печали; про-
„известь ужасъ и состраданіе; изобра-
„зить сильно порывистую борьбу стра-
„стей, ихъ надмѣрность, буйство, из-
„ступленіе, дабы научить человѣка отъ
„нихъ остерегаться; показать рази-
„тельные примѣры обмановъ людскихъ,
„да познаемъ слабости наши; разпрогать
„и устрашить душу злобнаго, являя ему
„ужасные дѣйствія, показующіе невиди-
„мую силу, коею защищается невин-
„ность; возбудить чувствительность,
„тронуть сердце простымъ и правди-
„вымъ языкомъ природы, показать истин-
„ное зеркало нравовъ; сдѣлать посмѣши-
„щемъ поступки заблужденія; употре-
„бить самыя яркія краски, дабы заставить
„ненавидѣть порокъ; поучать забавляя.
„Вотъ свойства благороднаго сего иску-
„ства, твердо сопряженнаго съ пользою

„общества, достойнаго вниманія Госу-„дарей, покровителей словесности.“ Какъ времена перемѣняются; какъ не сказать нынѣ, что сія безмѣрная похвала писана пристрастнымъ авторомъ или комедіантомъ!

По предположенію моему надлежалобы показать успѣхи наши по части театра; но сіе требовалобы разпространенія, или, собственно сказать, особаго сочиненія, коего желать и ожидать должно. Исторія театра, древнихъ и новѣйшихъ, заслуживаетъ дабы заняться симъ упражненіемъ, а Рускаго особенно и потому, чтобъ показавъ насъ не невѣждами справедливую воздать почесть: Сумарокову первому нашему трагику и фонъ Визину лучшему, по сіе время, писателю комедій.

Сатира у Грековъ не составляла особой части; но сливалася съ комедіею; она была родъ драмматическихъ твореній, въ коихъ воспѣвалися хвалы Вакху; Фавны и Сильваны составляли хоръ. Римляне отдѣлили ее отъ театра. Луцилій, дядя великаго Помпея, потомъ

Горацій при Августѣ, Персій при Неронѣ, писали Сатиры. Ювеналъ при Домиціанѣ, когда науки и словесность начали упадать, прославился смѣлостію и силою, съ коими нападалъ на пороки. Весьма различно съ Гораціемъ занимался онъ симъ упражненіемъ; Ювеналъ жестокъ, нахаленъ, бранчивъ. Горацій пріятенъ, умѣренъ, разборчивъ; Буало де Прео, сей знаменитый стихотворецъ отъискивалъ и съ большею удачею нашелъ средину между тѣмъ и другимъ изъ сихъ учителей; то, по убѣженію ума, преклонялся къ Горацію, то угождая вкусу современниковъ, слѣдовалъ Ювеналу.

Человѣкъ нѣкакое естественное удовольствіе ощущаетъ, когда можетъ пересужать другаго и осмѣивать его недостатки; такъ говаривали древніе; новѣйшіе, кажется, ихъ во лжи не изобличаютъ. Гр. Оксенштіерна спрашиваетъ себя: отъ чего не можемъ мы удержаться отъ смѣха, когда видимъ, что нѣкто упалъ? и отвѣчаетъ: отъ того удовольствія, что упалъ онъ, а не я. —

Такое что-то произвело сатиру.

Буало сдѣлался образцомъ всѣмъ писателямъ сатиръ, на что безъ сомнѣнія таланты его даютъ ему право; но не сдѣлался ли онъ соблазнителемъ для подражателей? Горацій учитъ охуждать пороки, называя ихъ именами пороковъ, такъ намъ казаться должно, ибо въ именахъ, кои онъ на мѣсто пороковъ ставитъ, мы ни малаго участія не принимаемъ. Буало далъ прочный примѣръ, что можно называть дурнаго стихотворца просто Шапеленомъ, худаго проповѣдника просто Котиномъ, а подражатели, любящіе всегда выдаваться изъ-за образцовъ, стали называть скупость просто именемъ такого-то, мотовство просто именемъ такого-то, и на выборъ тѣхъ, кои поизвѣстнѣе въ обществѣ. Чтожъ наконецъ будутъ дѣлать подражатели подражателей? Нѣкто сказалъ: дѣло сатирика есть родъ должности судіи въ обществѣ. Опасно ввѣрять сіе право всякому безъ разбора. Честь гражданина не должна зависѣть отъ прихоти, злобы, выгоды, или невѣжественныхъ, или заблуждающихся

писцовъ. Не пригодно ли правило сіе къ нѣкоторымъ журналистамъ?

Князю Кантемиру должно отдать справедливость; сатиры его исполнены красотъ, острыхъ замысловъ и силы. Не смотря на нѣкоторые недостатки во вкусѣ тѣхъ временъ, когда писалъ онъ, не смотря на языкъ и мѣру стиховъ неупотребительныхъ нынѣ, Горацій не назвалъ бы его пасынкомъ, и Буало не отрекся бы признать его за брата. Нѣкоторыхъ новѣйшихъ нашихъ писателей въ семъ родѣ опыты заслужили всеобщее одобреніе.

Посланія или эпистолы съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ въ употребленіи были. У Римлянъ писалъ Горацій же, сей превосходный лирикъ, о коемъ сказано: буде Виргилій думаетъ, что труднѣе взять стихъ у Гомера, нежели отнять палицу у Геркулеса, то конечно труднѣе у Горація отнять красоту какую, нежели похитить поясъ у Венеры. Эпистола его къ Пизонамъ поставляется образцемъ и называется уставомъ ума. Подражатель его Буало,

сближилъ сей родъ поэзіи съ родомъ сатирическимъ и опять-таки, потерявъ древность и Горація изъ вида, слѣдуя Французамъ, посланія у насъ видъ полу-сатиры получили. Фонъ Визинъ и другіе писали и нынѣ многіе пишутъ посланія въ разныхъ родахъ.

Умножающаяся ѣдкость сатиры, переходъ поучительныхъ посланій въ посмѣятельные, колкое поученіе басенъ, ядовитость эпиграммъ, доказываютъ, можетъ быть, утонченіе вкуса, но неулучшеніе сердца человѣческаго.

Дидактическая, или поучительная поэзія, коей цѣль есть: преподаніе правилъ наукъ, художествъ, нравовъ, была у древнихъ болѣе въ употребленіи, нежели у новѣйшихъ. Красота Греческаго языка замѣняла, можетъ статься, сухость предмета и потому еще болѣе Гезіодъ и Емпедоклъ считаются неподражаемыми; первый уподобляется Гомеру въ сладости и звучности слова. Лукрецій, изъ числа славнѣйшихъ стихотворцевъ Римскихъ, пріобрѣлъ всеобщую похвалу, умѣвъ придать о важныхъ вещахъ суж-

денію все богатство поэзіи Латинской. Лукрецій говорилъ о себѣ: „люблю сры„вать новые цвѣты и голову мою укра„шать блестящимъ вѣнкомъ, каковымъ „Музы ни одного поэта, по сіе время, не „увѣнчивали.“— Писавъ о естествѣ вещей, о пустотѣ и о атомахъ, умѣлъ онъ, подъ розами ума и искуства, сокрыть терніе дикой философіи. Георгики Виргиліевы принадлежатъ къ сей же части. Въ семъ родѣ имѣемъ мы письмо Ломоносова о стеклѣ къ Шувалову и нѣкоторыя другія.

Басни принадлежатъ къ древнѣйшему стихотворству. Гезіода считаютъ первымъ въ семъ родѣ упражнявшимся; но Фригійскій Езопъ есть настоящій образецъ онаго. Басни доказываютъ, что и въ старь не любили люди сухаго нравоученія и что нужно было найти средство сказать имъ правду не въ глаза, а назвать хитрость лисицею, глупость осломъ, трусость зайцомъ, безразсудное тщеславіе, надувающеюся лягушкою и проч. Притчи еще древнѣйшій способъ иносказательно и по-

средствомъ сторонних примѣровъ представлять дѣло, поученіе, или убѣжденіе, суть доказательство того же.

Федръ, отпущенникъ Августа, у Римлянъ перевелъ Езопа и Локмана украся подлинники свои; но при всей чистотѣ языка, ясности, краткости и пріятности слога, не заслужилъ въ Римѣ достойной похвалы; о немъ говорили даже, что онъ испортилъ Езопа. Въ послѣдующія времена на столько разныхъ образовъ всякую басню его передѣлывали въ Европѣ, что не льзя жъ сказать, что никто не испортилъ. Тѣ, коихъ въ семъ упрекнуть не можно знаменитѣйшіе у насъ суть: Сумароковъ, Дмитріевъ, Хемницеръ.

Ежели бы планъ мой дозволялъ мнѣ разпространиться, тобъ представить можно было весьма многіе примѣры красотъ не уступающихъ никакимъ, изъ извѣстныхъ въ Европѣ, басне-писателямъ.

Къ баснямъ принадлежатъ краткія повѣсти, нравоученія въ себѣ заключающія, были и сказки, или небылицы. Во всѣхъ сихъ родахъ многіе, съ большими

успѣхами, у насъ упражнялися и упражняются.

Вышедшая нынѣ изъ моды жалобная элегія, коей примѣры видимъ у Сумарокова, была въ большомъ употребленіи у Римлянъ. Нѣжный Тибуллъ, порывистый Проперцій, запѣйливый Овидій, не уступали въ семъ родѣ Грекамъ и оставили намъ многія сего рода сочиненія.

Буколическое стихотворство, составившее часть славы Виргилія, тожъ изъ употребленія вышло. Образцы Еклогамъ, идилліямъ далъ намъ Сумароковъ. Въ разныхъ журналахъ съ 1760 видимъ мы многія сего рода сочиненія, но примѣтно рѣже они отъ часу показываются.

О утратѣ элегіи и буколическихъ стихотвореній, кажется много тужить не должно. Элегія никогда естественною быть не могла, и всѣ сочинители, несомнѣнно, умъ свой и чувствованія, кои на себя наклепывали, въ элегіяхъ показывали, а не настоящее положеніе свое въ несчастіи и неудачахъ любви. Что до буколической поэзіи принадлежитъ, то мы такъ далеки отъ временъ, когда па-

спва и скотоводство были занятіемъ столькожъ необходимымъ, сколько и непостыднымъ, что никто не въ состояніи безъ смѣха вообразить себя Мирмилломъ и любезную свою Амариллою, въ приличныхъ, обоимъ имъ, и нарядахъ и положеніяхъ. Безъ доказательствъ вѣрить можно, что не сѣверъ произвелъ сего рода творенія. Нѣкоторые опыты буколической поэзіи видимъ мы у Ломоносова.

Эпиграмма составляла какъ у Грековъ, такъ и у Римлянъ особый родъ поэзіи; но съ самаго начала не иное что была какъ надпись. У Римлянъ получила нѣкоторую тонкость, далеко отстоящую отъ того, что у насъ эпиграммы нынѣ. Европейскихъ эпиграммъ опредѣленіе должно быть, по нещастью, слѣдующее: насмѣшка или укоризна, именно на чей нибудь счетъ, не ополь замысловато, какъ злобно, въ краткихъ стихахъ представленная.

Вотъ почти всѣ роды поэзіи древнихъ, коихъ однихъ поисправнѣ должно почитать образцами.

Поэзія возникшая въ новѣйшія времена есть: сонеты, мадригалы, рондо, спансы, загадки, шарады, логогрифы, акростихи и проч. у Французовъ называются Pièces fugitives, а у насъ столько же несвойственно: *мѣлкими стихотвореніями.*

Сихъ легкихъ родовъ поэзіи многія имѣемъ мы весьма хорошія сочиненія, коимъ отъ 50 года прошедшаго столѣтія за 80 лѣтъ до настоящаго времени, начало положить можно. Съ большимъ успѣхомъ многіе изобрѣтали и подражали писателямъ Италіанскимъ, Французскимъ, Англинскимъ и Нѣмецкимъ. Отъ прекраснаго пола зависитъ усовершенствовать у насъ тѣ роды поэзіи, кои на Французскомъ языкѣ ему нравятся.

Остается мнѣ въ заключеніи сослаться на имена писателей нашихъ и на число изданныхъ сочиненій, дабы доказать что никакого рода поэзія не чужда Рускимъ, и обратиться на предметъ мой повтореніемъ того, что упражненіе въ поэзіи и похвально и полезно, и что

Греческіе и Латинскіе писатели суть образцы во всѣхъ лучшихъ родахъ словесности, и они-то суть истинные учители подлинныхъ Стихотворцевъ.

А. Хвостовъ.

ПСАЛОМЪ 143.

Благословенъ въ Сіонѣ Богъ,
Мою десницу ополчивый,
И персты слабы научивый
На брань, чтобъ стерть кичливыхъ рогъ.

* * *

Моя Ты милость и покровъ,
Заступникъ мой и избавитель,
Прибѣжище и защититель:
Ты мнѣ вручилъ моихъ рабовъ.

* * *

За что о Боже! человѣкъ.
Сполъ возвеличенъ былъ Тобою?
Онъ соравнялся съ суетою;
Какъ сѣнь его преходитъ вѣкъ.

* * *

Склони Господь небесный сводъ,
Коснись горамъ — и воздымятся,
Кинь молнію — и разрушатся,
Дхни — и польются сонмы водъ.

* * *

Простри десницу съ облаковъ,
Изми меня изъ мрачной бездны,
Гдѣ токи проливаю слезны
Во власти чуждыхъ мнѣ сыновъ.

* * *

Гортань ихъ суету гласитъ,
Десница ихъ, десница злобы:

Они поваленные гробы,
Въ которыхъ смрадный прахъ сокрытъ.

* * *

Тогда пѣснь нову воспою
Въ десятоструннomъ я Псалтирѣ
Хранящему домъ Царскій въ мирѣ
И душу спасшему мою.

* * *

Какъ разцвѣтаетъ долъ весной,
Сыны враговъ такъ разцвѣтаютъ,
Себя ихъ дщери украшаютъ,
Какъ Храмъ мы украшаемъ Твой.

* * *

Ихъ житницы всегда полны.
Я зрѣлъ: ихъ овцы многоплодны,
Идущи на источникъ водный,
Не могутъ бремя снесть волны.

* * *

Тамъ вздоховъ нѣтъ, ни тяжкихъ золъ,
По стогнамъ вопль не раздается;
Но пѣсней шумныхъ гулъ несется
Съ холма на холмъ, изъ дола въ долъ.

* * *

Сей родъ кичливый взноситъ рогъ
И радость Богомъ почитаетъ.
Се гласъ, что бури укрощаетъ:
„Блаженъ, егоже Азъ есмь Богъ.„

Петръ Шаловитовъ.

ЭПИСТОЛА къ ЛЕОНУ.

Не время ли, Леонъ, призраки брося лживы,
Соскуча странствіемъ склониться подъ оливы!
Не время ль въ терніяхъ пожаты лавры снять,
И опочивъ на нихъ боль данныхъ язвъ унять!
Годъ въ бѣгѣ не коснитъ,—течетъ своей чредою;
Въ сей мигъ ты мнѣ внималъ: гдѣ мигъ сей? за тобою.
Давноль ты веселясь встрѣчалъ весны приходъ:
Се новая! . . . спѣши! — и ту поглотитъ годъ!
Къ возходу солнечну едва простеръ ты взоры:
Мы въ вечери теперь! — стопы у время скоры,
Не медлятъ на пути по прихотямъ твоимъ,—
Ни дряхлость скучная не угрожаетъ имъ.

Я зрѣла: юный Май носяся надъ Нѣвою,
О свѣтло облако опершейся рукою,
Фіялы, ландыши кидалъ къ ней на брега.
Спезей ему была семи цвѣтовъ дуга.
Рубины на вѣнцѣ, на крыліяхъ сапфиры.
За нимъ и передъ нимъ толпилися Зефиры.
Во срѣтенье къ нему париль пернатыхъ полкъ.
Самъ шумный Аквилонъ палъ ницъ предъ нимъ,— и смолкъ.
Въ пуки фіялы рвать пылала я охотой;
Приникла ко брегамъ, склоненная дремотой:
Уснула, — и увы! фіялокъ болѣ нѣтъ;
Увяли ландыши, пожелкъ ихъ снѣжный цвѣтъ.

Я зрѣла роскошью дышащи виноградны;
Тамъ грозды сочные,—здѣсь рдѣющи гренады,—
Подъ пухомъ персики; блескъ мещущи айвы;
Согбенны отъ плодовъ древесныя главы:
Но вдругъ раздалися Эола въ дебряхъ свисты;
Завылъ Борей; сшелъ хладъ; легли туманы мглисты, —
И алчущій Ноябрь, хватая съ древъ плоды,
Клочками сыплетъ снѣгъ съ кудрявыя брады.

Такъ все одно другимъ смѣняется въ природѣ!
Не ждетъ природа насъ въ своемъ ретивомъ ходѣ;
Безъ лѣности и мы пойдемъ съ ней дружно въ рядъ.
Вперя несытый свой мы въ будущее взглядъ,
На воздухѣ дворцы блестящи созидаемъ;
Но часъ сей будущій, навѣрноль нашъ? — незнаемъ! . . .
Лишь тотъ, въ которомъ я дышу есть точно мой.
Какъ вѣдаешь ты здѣсь, что скрыто за стѣной?
Твой зоркій, острый взоръ: взоръ смертнаго,— не болѣ!
Ты сѣла закупилъ, стяжалъ обширно поле;
Но кто съ него пожнетъ?— Быть можетъ, — и не ты.
Увы! почтоже намъ крушиться за мечты?
Леонъ! почто съ судьбой, какъ буйнымъ, вѣкъ сражаться?

Что не дано: желать; дано: не наслаждаться,—
Какъ будто юность намъ въ подруги суждена!—
Нѣтъ, нѣтъ! и наша вѣкъ не станетъ цвѣсть весна!
И наша хладная зима не отдыхаетъ!
Бѣжитъ осклабяся,—какъ исполинъ шагаетъ:
Едва у входа мы, — мчитъ быстро на закатъ;
И въ очи и въ уста свой встрѣчнымъ дуетъ хладъ;
Рветъ розы съ ихъ ланидъ, даетъ хребты согнуты,
На легкія стопы бросаетъ тяжки путы;
Лишаетъ зрѣнія; тмитъ память; тупитъ слухъ.

Вотще я оживить мой прежній силюсь духъ!
Не тотъ ужъ онъ что былъ!... мысль, память, духъ слабѣютъ,
И черные, какъ врань власы мои бѣлѣютъ.
Леонъ! Ты вѣдаешь;—законъ у время свой:
Какъ фениксъ снова мы не разцвѣтемъ душой!
Престанемъ мудрствовать,—искать въ призракахъ счастья;
Пока сіяетъ фебъ, почто дрожать ненастья;
Есть скорби, — и прейдутъ; есть радость, — улови.
Самъ Богъ къ утѣхамъ въ насъ не осудилъ любви:
Отворимъ сердце имъ, когда онѣ безгрѣшны!
Богатство, слава, санъ, суть жизни блага внѣшны,

И истинна душѣ блаженства не дадутъ.
Когда обиженну явилъ ты правый судъ,
Съ убогимъ раздѣлилъ трапезъ твоихъ избытки,
На выкупъ плѣннаго смѣнялъ металльны слитки,
Далъ ложе страннику, безкровому покой,
Скорбяща облегчилъ совѣтомъ, иль слезой, —
Ты въ бѣдности богатъ, и въ низкой долѣ славенъ!
Числомъ черногозъ ты пусть Крезу и не равенъ:
Щипятъ ли насъ они отъ горестей и бѣдъ?
Вездѣ угрюмая проложитъ скука слѣдъ,
Коль ты въ душѣ отъ ней не сорудилъ ограды.
Идетъ безъ робости въ огромны зданьемъ грады,
Въ бесѣды пышныя, сквозь рядъ стоящихъ слугъ,
Сквозь мраморны столпы, къ вельможамъ въ
тѣсный кругъ,
На ложа штофныя, за вкусныя трапезы,
И въ чаши сребряны роняетъ горьки слезы:
Придверникъ твой отъ ней тебя не охранитъ!
Собой довольными не злато насъ творитъ:
Мы въ выборѣ забавъ должны искать сей тайны.
Скупой съ сокровищьми и скудный,—оба равны;
Но кто ненасытимъ тотъ скуденъ паче всѣхъ.
Насъ къ счастію ведетъ умѣренность утѣхъ:
Веселье чистое ей небомъ данна плата.

Памфилъ и Теокритъ два нѣгдѣ жили брата.
Щедроты равныя съ небесъ на нихъ текли;
Но разны склонности ихъ къ разному влекли.
Безвѣстну, Теокритъ избравъ смиренно долю,
Считалъ излишество за тайную неволю.

Какъ свѣтлый ручеекъ его катились дни,
Средь скромныхъ сердца нуждъ у разума въ
тѣни.
(Мы рѣже скрытыхъ благъ должны страшиться
ся траты).
Когда жъ порывы бурь и рока коловраты
Трясли свирѣпствуя его укромный домъ;
Любовь Лавиніи была ему щитомъ.
Двѣ силы ставилъ вдругъ противу онъ напасти,
И бремя раздѣля на равныя двѣ части
Не вѣдалъ тяжести носить его одинъ:
По скаламъ шествуя мнилъ быть среди равнинъ.
Памфилъ, въ желаньяхъ съ нимъ и нравахъ, столь
же разной,
Гнушаясь тишины всегда единобразной,
Запѣйливымъ умомъ взносился на луну.
„Какъ можно“—мнилъ онъ—„знавъ лишь родину
одну,
„Коснѣя здѣсь въ глуши разсудкомъ умудриться?
„Разсудокъ нашъ трудомъ и опытомъ крѣпится.
„Все въ свѣтѣ суета; всякъ рабъ своихъ стра-
стей!
„Тотъ алчетъ золота; сей славы, иль честей.
„Пойду за мудростью въ предѣлы отдаленны,
„На Зороастовъ гробъ, вѣками сокрушенный,
„Среди священныхъ мховъ искать ея знамень!“
Напрасно Теокритъ, разлукой сокрушенъ,
Подъ дружескую сѣнь бѣгуща приглашаетъ:
„Ищу премудрости,—сей гордо отвѣчаетъ!

„На гробѣ мудреца постигнувъ суету, —
„Тамъ прочны радости я плѣннымъ предпочту!“

Дхнулъ пламенный Іюль, ражжегъ пески сыпучи;
Бѣжитъ въ кусты овенъ; волкъ скачетъ въ лѣсъ дремучій;
Подъ хворостъ кольцами віясь ползутъ зміи;
Засѣлъ въ пещеру левъ; легли стада въ ручьи;
Олени прядаютъ скалы подъ дики своды,
Нагнувъ рога дробятъ въ жерло біющи воды;
Конь ржетъ,—несется въ сѣнь, копытомъ роя лугъ;
Оратай изнурясь прилегъ подъ праздный плугъ:
Единый раздыху Памфилъ не предавался;
За счастіемъ гонялся, отъ счастья уклонялся.
Средь зноя, въ бурю, въ мразъ, по сушѣ, по морямъ
Летитъ, кляня мечты, къ избраннымъ вновь мечтамъ.
Два раза былъ въ плѣну; пять лѣтъ провелъ въ темницѣ;
На Зороастровой не умудряясь гробницѣ
Стерегъ, влачивши цѣпь, въ Аравіи коней;
Извѣдалъ ужасы; близъ многихъ былъ смертей,
И въ скорби посѣдѣвъ, средь нужды безпокойной
Прибылъ на родину въ дни старости преклонной.

Леонъ! въ предѣлахъ ли насъ чуждыхъ мудрость ждетъ?
Кто духомъ бодръ, тотъ къ ней вездѣ стезю найдетъ.

Не внѣшностью шотъ швердъ! въ себѣ, въ по-
ступкахъ вольный,
Не спанетъ вопрошать гробницы онъ безмолвны,
Ни мхи безчувственны, ни хладный спѣнъ гра-
нитъ;
Что скажетъ прахъ кому? что скажетъ персть? ...
молчитъ.
Ты вѣдаешь сіе,—ты мудръ, и за слѣпцами
Не бродишь темными ко счастію путями.
Летящаль времени забыть ты могъ законъ?
Нашъ вѣкъ въ юдоли сей есть смутный, крат-
кій сонъ!
Всякъ часъ видѣніе смѣняется видѣньемъ;
За благомъ скорьбь идетъ, спокойство за волн-
неньемъ:
Нѣтъ прочнаго ни въ чемъ! — прейдутъ и на-
ши дни ....
Ты съ утра спранствуешь,—се вечеръ,—отд-
дохни.

Бунина.

КЪ РУЧЬЮ

ПОДРАЖАНІЕ ГЛЕЙМУ НЬМЕЦКОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Сколь кажешся ты мнѣ любезенъ, ручеёкъ!
Сколь нѣженъ ропотъ твой и томное журчанье!
Пріятно мнѣ смотрѣть на твой сребристый ток
Склонять къ тебѣ свой слухъ и обращать вниманье;
Люблю я отдыхать на берегу твоемъ;
Гремучихъ водъ твоихъ шумящее паденье
Приводитъ въ сладкое всѣ чувства усыпленье;
Лишь ты одинъ всегда въ уединеньи семъ,
Со мною говоришь и мысли развлекаешь,
И никогда моей бесѣдой не скучаешь.
Когда я ловлею бываю утомленъ
И зноемъ солнечнымъ и жаждой изнуренъ;
Тогда я къ твоему потоку прибѣгаю,
Засохшую гортань струями прохлаждаю. —
Но естьли спану пить вино, тогда ручей!
Тогда не смѣшивай ты съ нимъ воды своей . . .
Знай, что рѣшился я невѣрность Ликористы
И клятвы въ Вакховомъ напиткѣ погрузить,
А для сего струи твоихъ водъ слишкомъ чисты,
Злодѣйство черное ихъ можетъ возмутить.
О милой мой ручей, прозрачной, говорливой!

Будь чистымъ зеркаломъ всегда любви щастливой. —
И солнце съ мѣсяцомъ въ себѣ изображай;
По мѣлкимъ камушкамъ кати хрусталь гремящій,
Сыпь по брегамъ цвѣтнымъ перловый дождь — блестящій,
Беги, стремись, шуми, сверкай, журчи, играй—
И мысли грустныя съ струями увлекай.

По мнѣнію многихъ ученыхъ людей Омиръ отецъ Эпопеи былъ перьвымъ сочинителемъ шутливой поэмы. Древнія преданія подтвержденныя многократно въ теченіи двадцати семи вѣковъ, не смотря на нѣкоторыя противу оныхъ возраженія, заставляютъ вѣрить, что пѣвецъ Иліады не возгнушался быть творцемъ Ватрохоміомахіи и что лира даровавшая безсмертіе Гектору, Ахиллу и Агамемнону, бряцала войну мышей и лягушекъ. Но ежели бы сіи преданія были отвергнуты неоспоримыми доводами, то и тогда шутливыя поэмы все еще заслуживали бы вниманіе любителей словесности и почетное мѣсто между классическими произведеніями. Кто можетъ отказать въ семъ преимуществѣ стихотворенію, котораго примѣры мы находимъ на всѣхъ языкахъ прославившихся словесностію. Имяна Тассонія, Попа, Прейора, Буало, Виланда и Волтера не въ силахъ ли отразить

пренебреженіе отъ того рода поэзіи, которымъ они занимались и коему многіе изъ нихъ обязаны своею славою?

Не входя въ подробное изложеніе правилъ шутливыхъ поэмъ, я почитаю обязанностію сказать только нѣчто о семъ родѣ, котораго слабый опытъ представляю Бесѣдѣ Любителей Рускаго слова.

Шутливая или Ирои-комическая поэма въ отношеніи къ Эпопеи кажется есть то же самое, что комедія въ сравненіи съ трагедіею. Щастливое изобрѣтеніе сказки, сладкозвучіе стиховъ, быстрота и постепенность хода, разительныя уподобленія, піитическая чудесность, вѣроподобіе въ повѣствованіи и наконецъ нравственная цѣль, безъ которой не можетъ и не должно ничто быть представлено взору читателя, составляютъ сущность и красоту шутливой поэмы, равно какъ и самаго эпическаго творенія. Онѣ только разнствуютъ или важностію предмѣта, или возвышенностію слога; шутливыя поэмы раздѣляются на два рода: однѣ представляютъ въ важномъ видѣ

забавныя или малозначущія произшествія, другія шутливымъ слогомъ описываютъ достопамятныя или Ироическія дѣянія. Примѣры сихъ обоихъ родовъ мы находимъ почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. Въ Италіи Баярдо написалъ древнимъ слогомъ влюбленнаго Роланда; шутливый Берни давшій названіе слогу Бернеско, преложилъ сію поэму въ стихи приличныя новѣйшимъ временамъ; Фортигверра прославилъ себя прелестными стихами сочиненнаго имъ Ричардета; Лаказа здѣлалъ Capitolo del forno. Бричіолини пріятнымъ слогомъ осмѣивалъ ложныхъ Боговъ въ комической поэмѣ; Корсини, здѣлался извѣстнымъ въ ученомъ свѣтѣ сочиненіемъ печальной башни и Тассони, знаменитый творецъ Похищеннаго Вѣдра, далъ первый названіе *Ирои-комической* поэмы сему роду сочиненій. На Англинскомъ языкѣ Ботлеръ прославилъ забавными стихами Гудибраса; Докторъ Гартъ воспѣлъ вражду Лѣкарей и Аптекарей, Прейоръ шутливымъ слогомъ писалъ исторію души. Англинскіе журналы наполнены пох-

валъ Филиповой поэмѣ Brillant schilling; глубокомысленный Попе былъ творцемъ похищенія локона, поэмы объ которой говорятъ сочинители Британской енциклопедіи, что въ ней болѣе творческаго духа, нежели, можетъ быть, во всѣхъ прочихъ твореніяхъ сего знаменитаго поэта.

Многіе Нѣмецкіе стихотворцы отличили себя въ семъ же родѣ. Похищенный платокъ Захаріевъ подражаніе Попе, почитается нѣкоторыми Германскими писателями наровнѣ съ Англинскою поэмою. Гете авторъ Вертера, переходя отъ чрезвычайной чувствительности къ чрезмѣрно-плодовитой шутливости, воспѣлъ въ 12 пѣсняхъ хитрость лисицы. Виландъ развеселилъ Немѣцкую словесность прекрасною Ирои-комическою поэмою: его Оберонъ почитается пріятнѣйшимъ произведеніемъ Германской музы.

Во Франціи, въ вѣкъ Людовика XIV, Буало сочинилъ совершеннѣйшее, по словамъ Г. Лагарпа, въ семъ родѣ твореніе Налой, (le Lutrin) поэму названную имъ,

по примѣру Тассонія, Ирои-комическою. Послѣ сего превосходнаго произведенія шутливой музы, я нахожу излишнимъ говорить о прочихъ Французскихъ произведеніяхъ въ семъ родѣ. Волтеръ не надѣясь сравниться въ сатирахъ съ безсмертнымъ Буало и желая можетъ быть унизить славу друга Расинова, возставалъ противу Ирои-комическихъ поэмъ; но написавъ въ семъ родѣ извѣстную поэму, самъ опровергъ пристрастныя свои сужденія.

На нашемъ языкѣ Василій Ивановичь Майковъ сочинилъ Елисея, шуточную поэму въ 4 пѣсняхъ. Отличныя дарованія сего поэта и прекраснѣйшіе стихи, которыми наполнено его сочиненіе, заслуживаютъ справедливыя похвалы всѣхъ любителей Рускаго слова; но содержаніе поэмы, взятое изъ само простонародныхъ произшествій и буйственныя дѣйствія его Героя, не позволяютъ причесть сіе острое и забавное твореніе къ роду Ирои-комическихъ поэмъ, необходимо требующихъ благопристойной шутливости.

И такъ не видя на нашемъ языкѣ правильной Ирои-комической поэмы, я осмѣлился здѣлать опытъ сочиненія въ семъ родѣ. Смятеніе случившееся нѣкогда въ одномъ изъ обществъ при разборѣ шубъ, перемѣшанныхъ неосторожностію придверника, показалось мнѣ содержаніемъ столь же приличнымъ для шутливой поэмы, какъ и ссора настоятеля и уставщика за снятой и поставленной налой, или вражда двухъ Италіанскихъ городовъ за похищенное вѣдро. Я представляю сочиненную мною первую пѣснь которая рѣшитъ судьбу всей поэмы: или она при самомъ рожденіи своемъ смиренно сокроется во мракѣ неизвѣстности, или оживленная улыбкою благосклонныхъ слушателей, будетъ окончана.

РАСХИЩЕННЫЯ ШУБЫ

ИРОИКОМИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою крамолою забавы пресеченны,
И муфты, и хвосты, и шубы расхищенны.
О ты не молчная глашатая вѣстей!
Чью рѣчь ни вѣтровъ шумъ, ни бурный ревъ морей,
Ни самый громъ небесъ, не заглушали вѣчно;
Стоустая молва! ты вѣдаешь конечно.
Какой геенскій духъ прервалъ веселый пиръ,
Возгнелъ смятенья огнь, разрушилъ тихій миръ,
Которымъ тридцать лѣтъ въ томъ домѣ наслаждались,
Куда въ воскресны дни для плясокъ собирались
Трудолюбивыя и жены и мужья
И праздновали тамъ, какъ дружная семья. —
Вѣщай молва .... но что! не рояль пчелъ жужжанье,
Не водопадаль шумъ, не птицъ ли щебетанье
Я слышу вкругъ себя? — сто гласовъ, сто рѣчей
Достигли вдругъ моихъ внимательныхъ ушей.

Сто усть вѣщаютъ мнѣ и всѣ вѣщаютъ разно;
Какъ спорщики въ жару безсмысленно, несвязно,
Всѣ вдругъ кричатъ, шумятъ: такъ, вѣспиница молва
Схвативъ, собравъ, смѣшавъ, всѣ вѣсти, всѣ слова,
Мой слухъ безъ жалости вдругъ ими поражаетъ
И мучитъ и глушитъ и быстро отлѣтаетъ,
Чтобы вездѣ поспѣть съ расказами вѣстей.
Ты муза славная веселостью своей,
Кѣмъ строгій Буало въ храмъ славы преселился,
Съ кѣмъ самъ отецъ стиховъ въ часъ отдыха рѣзвился,
Сойди, сойди ко мнѣ и умъ мой просвѣти,
Чтобы въ рѣчахъ молвы, мнѣ истинну найти.
Ужъ свѣтлая Нева корой одѣлась льдистой,
Съ рамень зимы низспалъ на землю снѣгъ пушистой,
И феба на одрѣ покоющая лѣнь,
Свѣтъ дневный сократя, длитъ ночи мрачну тѣнь.
Настали вечера народнаго веселья,
Въ которы на Руси, отъ праздничны бездѣлья,

Бывало молодіожъ о суженой своей
Гадала у воротъ, рядилась въ журавлей,
На посидѣлки свахъ къ невѣстамъ засылала,
И въ лицахъ Гаэрски потѣхи представляла.
Хотя у насъ теперь обычай сталъ иной,
Во всемъ намъ нравится и складъ и толкъ чужой;
По иностранному мы въ вальсахъ закружились,
Но не совсемъ еще съ Веселостью простились.
Въ соболей шапочкѣ, на рысакѣ лихомъ,
Веселость чрезъ Неву лѣпѣла плясокъ въ домъ;
Предъ санками ея и Радости и Смѣхи,
Забавы разныя и разныя потѣхи,
Порхали, бѣгали, катились на конькахъ,
Гоня съ дороги прочь заботу, скуку, страхъ.
Въ рукахъ забавъ огни потѣшные сіяли
И пасмурную ночь въ день ясный премѣняли:
Но въ поднебесье вдругъ раздался бурный вой,
На вихряхъ пламенныхъ несется надъ Невой
Сынъ тартара, Раздоръ, убійствомъ пресыщенный,
Пронырствомъ, Ябедой, Алчбою окруженный.
Раздоръ кичливый взглядъ низвелъ на пышный брегъ;
Узрѣвъ Веселости великолѣпный бѣгъ,
Спрѣлою зависти во сердцѣ уязвился,

Разсвирѣпѣлъ, взревелъ и долу низпустился
Веселость между тѣмъ достигла тѣхъ дверей
Гдѣ святки праздновать угодно было ей;
Уже ступила въ домъ — Раздоръ крыльца коснулся:
„Остановись“ вскричалъ и чуть не улыбнулся
Какъ обратила взоръ Веселость на него;
Злой духъ не могъ сокрыть смущенья своего,
Слова его въ устахъ дрожащихъ изчезали;
Межь Игръ раздался смѣхъ, Утѣхи восплескали;
Веселость съ торжествомъ въ потѣшной домъ вошла
И за собою дверь проворно заперла.

Какъ жалкихъ драмъ творецъ въ театрѣ посрамленный,
Шипеньемъ, шиканьемъ и свистомъ оглушенный,
Чтобъ вовсе не унынь подъ игомъ грустныхъ думъ
Хвалы своихъ друзей себѣ приводитъ въ умъ;
Духъ творческій живитъ и зрителямъ въ отмщенье
Готовитъ новое преслезное творенье:
Такъ, въ первый разъ еще, осмѣянный Раздоръ,

Чтобы скорѣй забыть его смутившій взоръ,
Всѣ подвиги свои на мысль себѣ приводитъ;
Но пищетно все: онъ въ нихъ отрады не находитъ;
И въ слѣдъ веселости свирѣпый брося взглядъ
Клянется тартаромъ не возвращаться въ адъ
Доколѣ не отмститъ соперницѣ надмѣнной,
Не превратитъ во плачь пиръ ею учрежденной,
Въ ея потѣшный домъ вражду не вовлечетъ.
Въ досадѣ, въ ярости, источникъ лютыхъ бѣдъ,
Мгновенно злобный ковъ ко мщенью вымышляетъ,
И Гашпара къ сему орудьемъ назначаетъ.
Переплетатель книгъ, сей Гашпаръ ремесломъ,
И первый старшина въ веселомъ домѣ томъ,
Въ который заперты раздору были двери
Проворною рукой небесъ любимой дщери.
Повѣдай муза мнѣ чѣмъ Гашпаръ славенъ былъ
И чемъ вниманіе раздора заслужилъ.
Распорядитель рокъ съ природою въ разладѣ,
Намъ дѣлитъ жребіи не рѣдко ей къ досадѣ;
Не рѣдко тотъ, кто въ свѣтъ для пахарства рожденъ,

Иль въ судъ, иль ко двору, иль въ войскѣ помѣщенъ;
А тотъ кого на брань назначила природа,
Безвѣстный кончитъ вѣкъ на стражѣ огорода.
Природы мудрыя, всещедрою рукой,
Былъ Гашпаръ отличенъ и тѣломъ и душой:
Наморщено чело скрывало умъ высокой,
И билося въ груди дебелой и широкой
То сердце, въ коемъ гнѣвъ, тщеславье и любовь
Палили кофіемъ сгущаемую кровь.
Подъ бровью мрачною, надъ пухлою щекою,
Прокрадывался взоръ отличный быстрою.
Улыбкой хитрою раздвигнуты уста,
Зубами бѣднаго, рѣчьми обильна рта,
Тянулись до ушей и чудкихъ и огромныхъ.
Изъ сихъ-то страшныхъ устъ, изъ сихъ-то устъ нескромныхъ,
Газетны новости лились какъ быстрый токъ.
Когда, между друзей, на свой пеняя рокъ,
Который не ему вручилъ вѣсы Ѳемиды,
Имъ Гашпаръ обьяснялъ дворовъ различны виды,
Сгущенный вкругъ его, какъ мгла, табашный дымъ,
Дѣла Царей и царствъ не сокрывалъ предъ нимъ:

Онъ видѣлъ все; и такъ вращалъ судьбу вселенной,
Какъ пуншевый стаканъ имъ трижды осущенный.
Кто бъ слыша рѣчь его, кто бъ зря его восторгъ
Законодателемъ его почесть не могъ!
А злобный рокъ увы! ему повелѣваетъ
Быть переплетчикомъ .... и онъ переплетаетъ! —
Но року вопреки и въ низкой долѣ сей
Извѣстенъ Гашпаръ сталъ прилѣжностью своей:
Честь дѣлаютъ его искуству и работѣ,
Явившіяся въ свѣтъ, въ сафьянномъ переплетѣ,
Преслезныхъ странствій семь, журналовъ пятьдесятъ,
Романовъ множество, сто жалостныхъ балладъ;
На нашемъ языкѣ не наши всѣ писанья,
И подражателямъ безсчетны подражанья.
Онъ ихъ украсилъ всѣхъ (въ томъ зла большаго нѣтъ,
Они лѣжа въ пыли не развращаютъ свѣтъ):
Но онъ же переплелъ, и тѣмъ еще гордился,
Все то, чѣмъ прошлый вѣкъ какъ язвой заразился:
Безбожны письмена Фернейска мудреца,

Развратa полный плачь, прежалкихъ драмъ
творца;
Природы мудрствія, системы ложны свѣта
Ласера, Мирабо, Гельвецья, Кондорсета,
Спинозы, Дидеро и множество другихъ
Для свѣта пагубныхъ, угодныхъ аду книгъ.
Хотъ Гашпаръ былъ и добръ и набоженъ и
честенъ,
Но вреднымъ симъ трудомъ раздору сталъ
извѣстенъ,
Который зря, что вѣкъ нашъ здѣлался ученъ,
Что яблокомъ златымъ не будетъ онъ
прельщенъ,
Что статуи боговъ, духовно словопренье
Ужъ въ немъ не дѣйствуютъ, взялся за
просвѣщенье:
Изъ ложныхъ мудрецовъ отборныя мѣста
Вселилися въ его крамольные уста;
Онъ ими возгремѣлъ, и пагуба возстала,
Восплакалъ горній міръ, вселенна возстенала
И вѣра! . . . скройся видъ ужасный отъ очей
Веселой музы ты не огорчай моей;
Я съ нею пренесшись спѣшу въ покой сми-
ренной,
Гдѣ Гашпаръ скромно жилъ съ своей суп-
рогой вѣрной.
Раздоръ съ злымъ умысломъ вступая въ сей
покой
И видъ, и станъ, и взоръ перемѣняетъ свой,

Главу обвитую шипящими змѣями,
Вѣнчаетъ парикомъ съ подвитыми кудрями;
Очками тусклыми, мрачитъ тотъ волчій взглядъ,
Изъ коего въ сердца ліется злобы ядъ;
Перчатки, башмаки, скрываютъ когти львивы;
Чешуйчатый хребетъ и крылія змѣины
Смиренно прячутся подъ вишневой кафтанъ;
И словомъ ростъ, лице, осанку, поступь, станъ,
Пріемлетъ школьнаго учителя Залцеда,
Крестьяна Гашпара давно умерша дѣда.
Подъ видомъ чуждымъ симъ онъ къ Гашпару идетъ,
Да въ хитрые его тѣмъ сѣти завлечетъ.
Представъ предъ нимъ какъ тѣнь, какъ грозно сновидѣнье,
Онъ хочетъ возбудить въ душѣ его киченье;
Въ немъ зная къ новостямъ и къ праздноословью страсть,
Его устами мнитъ свою повѣдать власть
Въ томъ домѣ, гдѣ онъ зрѣлъ веселость воцаренну
И предъ собою дверь съ насмѣшкой затворенну.
Раздоръ взошелъ и зритъ сквозь борющуся мглу,

Съ свѣтильной гаснущей за верстакомъ въ углу,
Крестьяна Гашпара тьмой книгъ загромождена
И въ креслахъ дѣдовскихъ сномъ крѣпкимъ отягченна.
Повисшая глава между широкихъ плечь
Казалось тяжестью своей могла увлечь
Все тѣло тучное въ паденье за собою;
Но Гашпаръ опершись могучею рукою
На тотъ верстакъ, гдѣ имъ была помѣщена
Причина тайная его волшебна сна,
И крѣпко увязя свои дебелы чресла,
Для всѣхъ въ пространные, ему же тѣсны кресла,
Былъ твердъ какъ древній вязъ склоненный надъ рѣкой.
„Проснись, гласитъ раздоръ, о внукъ любезный мой
„Возстань; познай меня! я прежній твой учитель,
„А нынѣ въ небесахъ души твоей хранитель;
„Проснись!“ и съ рѣчью сей раздора громкій глась
И окна и верстакъ и весь покой потрясъ—
А Гашпаръ спитъ. Къ нему сынъ ада приступаетъ,
На книги опершись вторично восклицаетъ

„Проснись, мой внукъ, проснись! но было то вотще;
Гласъ слышенъ за версту, а Гашпаръ спитъ еще.
Ужъ въ третій разъ уста раздора растворились,
Но въ нихъ зѣвотою слова остановились;
О чудо! злобный духъ сконьчать не можетъ рѣчь;
Смыкаются глаза, глава катится съ плечь,
Его объемлетъ сонъ, онъ преклонился долу,
Согбенны голени уже коснулись полу,
И онъ бы палъ — но адъ отъ сна его воздвигъ;
Раздоръ вспрянулъ и зритъ надъ кипой толстыхъ книгъ
Вину чудесную волшебна усыпленья,
Еженедѣленыя *Глупинскаго* творенья.
Раздоръ сей талисманъ съ рабочаго стола
Схватилъ, мѣтнулъ въ окно и вышибъ два стекла.
Тутъ Гашпаръ стукомъ симъ внезапно пробужденный
Зритъ дѣда предъ собой. Симъ видомъ пораженный
Онъ вдругъ остолбенѣлъ. Раздоръ ему речетъ:
„Внемли мой внукъ внемли, сюда нисшелъ твой дѣдъ,

„Дабы передъ тобой открыть судебъ велѣнье
„И возбудить въ тебѣ вздремавше къ славѣ рвенье.
„Престань въ ничтожности кичиться шѣмъ однимъ,
„Что блескъ ты придаешь твореніямъ чужимъ,
„Что славу чуждую сафьяномъ украшаешь;
„Не ты ли наизустъ всѣ вѣдомости знаешь,
„Отъ сѣверной пчелы до Виленскихъ газетъ?
„Но для слепца вотще сіяетъ солнца свѣтъ!
„Ахъ внукъ мой! тыль не зришь какъ духъ нововведенья,
„Людей безъ разума, безъ дара, безъ ученья
„Влечетъ со всѣхъ сторонъ газетной славы въ храмъ;
„Ихъ тамъ фортуна ждетъ, а ты еще не тамъ!
„Ты, кѣмъ тщеславился покойный твой родитель,
„Кого я чудомъ чтилъ, я, многихъ школъ учитель;
„И ты въ дому забавъ избранный старшиной,
„Въ немъ отличился ли какою новизной?
„Какіе премѣнилъ, какіе ввелъ уставы?
„Узри, се предъ тобой врата отверсты славы;
„Дерзай на подвиги! какъ мочный исполинъ

„Съ восходомъ солнечнымъ, гряди въ совѣтъ старшинъ;
„Въ немъ будутъ предлагать важнѣйше учрежденье,
„Какъ при разборѣ шубъ предупредить смятенье:
„Тутъ смѣлой выдумкой сочленовъ удиви,
„Свое искуство, умъ и знаніе яви.
„Въ мѣстахъ, гдѣ Эльба въ Понтъ вливаетъ шумны волны,
„Расчетомъ гдѣ главы, карманы златомъ полны,
„Гдѣ множество господъ; но слугъ излишнихъ нѣтъ,
„Премудрый обычай введенъ отъ давнихъ лѣтъ
„И помѣщенъ въ число законовъ неизмѣнныхъ:
„Тамъ въ важныхъ обществахъ забавамъ посвященныхъ,
„Съ помѣткой ярлыки хранятся изкони,
„На плащъ, иль на салопъ вздѣваются они:
„По нихъ узнаетъ всякъ свое безъ затрудненья,
„Возметъ безъ робости, надѣнетъ безъ смущенья
„И мирно въ домъ идетъ по валсахъ опочить.
„Тебѣ велитъ судьба здѣсь тоже учредить:

„Поетамъ подражай и выдай не робѣя
„Чужое за свое, будь твердъ, вѣщай смѣлѣя,
„Твой звонкій, сильный гласъ и крепка грудь твоя,
„И подвигамъ твоимъ присущна тѣнь моя,
„Низложишь всѣхъ старшинъ. Умолкнутъ, гордый лѣкарь,
„Танцмейстеръ дерзостный, нотаріусъ, аптекарь,
„Столѣтній органистъ,—самъ мастеръ гробовой!
„И слава дѣлъ твоихъ промчится—за Невой.
„Для побѣдителей хвалами свѣтъ не скуденъ,
„И къ знаменитости шагъ первый только труденъ.
„Рѣшись, дерзай раздрать безвѣстности покровъ;
„За нимъ къ безсмертью путь уже тебѣ готовъ.
„Начало смѣлое всегда успѣхъ вѣнчаетъ.
„Къ тебѣ обьятія фортуна простираетъ;
„Стремися къ ней, во всѣмъ покорствуя судьбѣ,
„Твой разумъ, и твой дѣдъ поборники тебѣ.
„Се знакъ, чтобъ ты не счелъ мое къ тебѣ явленье
„За тщетную мечту, за ложно сновидѣнье.“—
Рѣчь кончивъ на окно онъ перстомъ указалъ

Взревелъ, мелькнулъ, изчезъ.—Отъ страха
Гашпаръ палъ
И переплетная вся утварь повалилась.
Супруга вѣрная симъ стукомъ пробудилась,
Вскричала, бросилась, вбѣжала, въ тотъ покой,
Гдѣ Гашпаръ работалъ .... и видитъ предъ собой
Клещи, бумаги, гнётъ, верстакъ ниспроверженны
И кресла дѣдовски въ верьхъ спинкой обращенны,
Въ которыхъ увязясь стенялъ ея супругъ.
При видѣ семъ она остолбенѣла вдругъ;
Но чувства сильные смиряющее время
Прогнало страхъ ее; иногда тяжело бремя
Съ нещастна Гашпара стащилося долой,
Супруги вѣрныя, трепещущей рукой;
Она лежащаго со вздохомъ подымаетъ
И взоромъ дружескимъ супруга утѣшаетъ.
Ужъ Гашпаръ всталъ, отверзъ поблеклые уста
И слабымъ голосомъ едва изрекъ—*мечта*!....
Какъ вдругъ представилось его смущенну взору
Окно разбитое, невѣрія къ укору;
Сей укоритель видъ, прервалъ начату рѣчь;
Кровь въ жилахъ Гашпара быстрѣе стала течь

Огнемъ тщеславія внезапно воспаленна.
Судьбина славная, раздоромъ предрѣченна,
Очаровала умъ и гордый старшина
Не видитъ, что предъ нимъ стоитъ его жена,
Смотряща на него съ сердечнымъ умиленьемъ,
И возмущенная тѣмъ бѣдственнымъ паденьемъ,
Котораго вины постигнуть не могла:
Чело ее тогда покрыла скорби мгла,
Когда примѣтила супруга не вниманье;
Но на конецъ прервавъ столь тягостно молчанье
Сказала: „о мой другъ! ко мнѣ ли ты суровъ!
„Съ Шарлотою своей когда ты былъ таковъ?
„Повѣдай мнѣ вину несчастнаго паденья
„Прерви мою тоску, скончай мое мученье!“—
„Не вопрошай меня о Лотхенѣ!“ Гашпаръ рекъ;
Вошелъ въ другой покой и на постель возлегъ.
Опъ тяжести его перина раздалася
И крепкая кровать со скрыпомъ потряслася.
Супругажъ скромная въ унынѣ, какъ могла,

Въ покоѣ все опять въ порядокъ привела;
На ложѣ брачное съ прискорбіемъ взглянула,
Легла, задумалась, вздохнула и заснула.
Но Гашпаръ могъ ли спать? Ахъ, нѣтъ! тщеславный умъ
Обуреваемый стремленьемъ гордыхъ думъ,
Во вѣки не вкушалъ дремоты томну сладость;
Бѣгутъ его покой, любовь, веселья, радость;
Въ мечтаніяхъ своихъ онъ мраченъ и тоскливъ,
Средь славы пасмуренъ и въ щастьи не щастливъ.

Кн. А. Шаховской.

О
НЕСПРАВЕДЛИВОМЪ СУЖДЕНІИ ИНОПЛЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, КАСАТЕЛЬНО СОСТОЯНІЯ РОССІИ ДО XVIII ВЬКА.

Естьли справедливость должна быть непосредственною обязанностію для каждаго человѣка; то она должна быть священнѣйшею для каждаго писателя, особливо же для Историка. Отступленіе отъ оной перваго пресѣкается съ его жизнію; отступленіе отъ справедливости послѣднихъ существуетъ и по смерти ихъ: оно переходитъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ и оскорбляетъ, или ввергаетъ въ неосновательное мнѣніе позднѣйшее потомство. Къ сожалѣнію встрѣчается таковая погрѣшность въ твореніяхъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ писателей новѣйшихъ временъ. Монтескю (1), Волтеръ (2), Кон-

(1) *Русской вѣстникъ*, 1808 *года*, февраля мѣсяца, No 2, стр. 173, и *Книга о величіи и упадкѣ Римлянъ Г. Монтескю*, глава 22. (2) *Тотъ же Вѣстникъ*, стр. 174, и *Вѣкъ Людовика XIV, сочиненіе Г. Волтера.*

дильякъ, Милотъ и многіе другіе ученые мужи, прославившіеся сочиненіями своими, весьма далеко уклонились отъ истины, представляя Россію даже до XVIII столѣтія въ видѣ во все ей неприличномъ. Въ доказательство того довольно повторить здѣсь собственныя слова Г. Кондильяка и Милота.

Первый изъ нихъ говоритъ, что до XVIII вѣка Русскіе погружены были во тьму невѣжества, безсмыслія, пороковъ и злодѣянія; что у нихъ не было ни благоуправленія, ни нравовъ; и что они грабили, рѣзали, терзали другъ друга, подобно дикимъ и остервененнымъ звѣрямъ (3). А вторый пишетъ, что Россія, будучи Имперіею весьма пространною и почти пустою, безъ художествъ, безъ торговли, безъ благочинія, безъ просвѣщенія и безъ политики, находилась забытою, неизвѣстною и подверженною многимъ возмущеніямъ областью, даже до конца XVII столѣтія (4). Такимъ обра-

(3) *Русской вѣстникъ* 1808 года, Февраля мѣсяца, No 2, стр. 173 и *Новая исторія Г. Кондильяка*, часть 6, статья 2. (4) *Древняя и*

зомъ всѣ сіи писатели полагаютъ весьма малое различіе, или, лучше сказать, не полагаютъ ни какого различія до XVIII вѣка между Русскими и народами дикими и въ первобытномъ состояніи еще сущими.

Сія оскорбительная несправедливость, любовь къ истинѣ, усердіе къ отечеству, ревность ко славѣ онаго, неправедно помрачаемой чуждыми писателями, словомъ, всѣ сіи причины совокупно побудили меня сдѣлать краткое историческое начертаніе о началѣ въ Россіи законовъ, воинства, торговли, словесности, художествъ и проч: о началѣ того, что отрицаютъ намъ вышеприведенные писатели, и что существеннымъ образомъ различаетъ просвѣщенныхъ отъ дикихъ народовъ; дабы симъ изображеніемъ истиннаго состоянія Россіи до XVIII вѣка очевиднѣе опровергнуть нелѣпые объ оной разсказы Кондильяка и Милота. Въ изложеніи сего начертанія руководствовался я отечественными бы-

Новая Исторія Г. Милота (часть IX, стр. 200, и 201), переведенная на Русской языкъ и напечатанная въ Москвѣ 1785 года.

тописаніями, не малою же частію исторіею Россіи, сочиненія Г. Левека, и другими твореніями иноплеменныхъ писателей. Въ сихъ послѣднихъ заимствовалъ я нѣкоторыя свѣденія, къ предмету моему относящіяся не для того, чтобы оныхъ не было въ отечественной нашей Исторіи; но для того единственно, дабы показать, что не основательныя мнѣнія Г. Кондильяка, Милота и другихъ порицателей отечества нашего опровергаются даже писателями, имъ единоземными. И такъ предложу прежде о томъ, что по мнѣнію всѣхъ истинныхъ философовъ и глубокомысленныхъ политиковъ знаменуетъ общественное, или гражданское бытіе народовъ, а совокупно съ тѣмъ и непосредственную степень познанія во многихъ частяхъ народнаго просвѣщенія, то есть:

О законахъ.

Первоначальные законы принесены въ Россію Славянами, кои пришли отъ береговъ рѣки Дуная, въ v вѣкѣ по Рожде-

ствѣ Христовѣ, (5) покорили Руссовъ (6) и построили потомъ Великій Новгородъ (7). Истинна сія подтверждается первое тѣмъ, что древняя Россійская Исторія не представляетъ ни какихъ слѣдовъ, чтобы Рюрикъ, призванный Новгородцами въ 862 году на Княженіе, издавалъ какіе либо законы; второе тѣмъ, что многія статьи оныхъ упоминаются уже въ договорѣ, который вскорѣ по смерти Рюрика заключенъ былъ Олегомъ съ Греческимъ Императоромъ Леономъ (8); и третіе тѣмъ, что отъ сего уже времени Граждане Новгородскіе раздѣлялись на разныя ссловія (9), какъ то: на *Посадниковъ*, или правителей города, на *Тысяцкихъ*, или предводителей войскъ, на *Бояръ*, или знатныхъ и имянитыхъ гражданъ, составлявшихъ

---

(5) *Указатель Россійскихъ законовъ*, часть I, стр. IV. (6) *Тамъ же*, стр. I. (7) *Словарь Географич: Россійскаго Государства*, часть 4, стр. 685. (8) *Указатель Россійск. законовъ*, часть I, стр. II; и *Лѣтопись Нестора*, стр. 28. (9) *Примѣч: Г. Болтина на Исторію Леклерка*, часть I, стр. 241.

совѣтъ при посадникѣ, на *Житыхъ* людей (10), на *Гостей*, *Купцовъ*, *Свободныхъ* и на *Рабовъ* (11). Самый Новгородъ раздѣлялся на пять частей. Въ каждой была своя ратуша, своя собственная печать и свой староста, который вѣдалъ всѣ Полицейскія и гражданскія дѣла своея части и принадлежащей къ ней пятины, или уѣзда; а въ важнѣйшихъ и, до общей городовой пользы касающихся, дѣлахъ относился къ главному совѣту, или общенародной вѣчѣ. Каждая улица имѣла своего старосту, или надзирателя, который наблюдалъ благочиніе и зависѣлъ отъ главнаго старосты своея части (12).

Раздѣленіе на разныя сословія Гражданъ, выборъ градоначальниковъ и предводителей войскъ, установленіе общественнаго, или, такъ сказать, Верховнаго Совѣта, судопроизводство и прочія

---

(10) *Историч. разговоры о древности Великаго Новагорода*, стр. 16. (11) *Краткая Россійская Исторія*, стр. 58. (12) *Историческіе разговоры о древности Великаго Новагорода*, стр. 16.

гражданскія учрежденія, неоспоримо подтверждаютъ существованіе законовъ, равно какъ и то, что они были письменные; ибо безъ сего, то есть, безъ точнаго, твердаго и непремѣннаго опредѣленія законами обязанности гражданина, должности судьи и наконецъ, въ чемъ точно состоитъ преступленіе гражданина, не возможно было бы раздѣлить народъ на сословія, установить совѣтъ, учредить судей, однимъ словомъ, сдѣлать такія распоряженія, какія описаны выше сего; поелику, гдѣ нѣтъ законовъ, тамъ нѣтъ различія въ сословіяхъ, тамъ нѣтъ самыхъ сословій, нѣтъ судей и подсудимыхъ: тамъ вмѣсто начальства и зависимости, души благоденствія народнаго, видится одно токмо гибельное и бѣдственное самовластіе, безначаліемъ называемое. И такъ въ Россіи существовали письменные и положительные законы отъ временъ глубокія древности. Справедливость заключенія сего доказывается особенно дружественнымъ и торговымъ договоромъ Олега съ Греческимъ Императо-

ромъ Леономъ; ибо въ оном, между прочимъ, IV статьею постановлено, съ поразившаго кого либо мечемъ, или инымъ какимъ либо оружіемъ взыскивать въ пользу пораженнаго пять литръ сребра, *слѣдуя закону Русскому*. По томъ законы дополнялись въ различныя времена, по мѣрѣ нужды и надобности, по причинѣ разпространенія предѣловъ Россіи и по многимъ другимъ Государственнымъ обстоятельствамъ.

Въ X и въ началѣ XI вѣка.

Великая Княгиня Ольга, по кончинѣ супруга ея, Великаго Князя Игоря, и по покореніи Древлянъ, обозрѣла всю страну ихъ, раздѣлила оную на уѣзды и погосты, наложила дань съ состояніемъ народа сообразную; по возвращеніи же въ Кіевъ и по посѣщеніи потомъ Новагорода, издала разныя узаконенія и гражданскія учрежденія (13), кои однако же до временъ нашихъ не достигли. Великій Князь Владимиръ Святославичь, по воспріятіи Христіянскія вѣры, и по

(13) *Лѣтопись Нестора*, стр. 52, и *Лѣтопись Никон.* часть I. стр. 45.

созданіи въ Кіевѣ великолѣпнѣйшей каменной церкви, во имя Пресвятыя Богородицы, издалъ Уставъ, которымъ, во первыхъ, предоставилъ въ пользу той церкви десятую часть изъ имѣнія и доходовъ своихъ (14); а во вторыхъ означилъ, какіе роды дѣлъ должны быть вѣдомы духовнымъ властямъ (15). Сей уставъ можно почитать первоначальнымъ въ Россіи Духовнымъ Уставомъ. Тотъ же Государь повелѣлъ всѣ прочія дѣла судить по законамъ дѣда и отца своего; но оныхъ по исторіи не видно; и безъ сомнѣнія относится сіе къ древнимъ Славянскимъ законамъ, отъ Игоря и Святослава подтвержденнымъ. А сверхъ того далъ Указъ, дозволяющій Болгарамъ торговать въ городахъ, лежащихъ по берегамъ рѣкъ Волги и Оки (16) *. * 1.008

Въ продолженіи XI вѣка.

Великій Князь Ярославъ Владимировичь приказалъ *древніе законы Славянскіе*

(14) *Указатель Росс. законовъ*, часть I, стр. 111. (15) *Россійская Исторія Г. Левека*, часть I. стр. 138 и *Плутархъ для юношества*, часть I, стр. 340. (16) *Указатель Россійскихъ законовъ*, часть I, стр. IV.

разсмотрѣть и пополнить: когда же сіе учинено было, то онъ обнародовалъ ихъ подъ названіемъ *Руская правда* (17). ** Сверхъ того издалъ Уставы о *податяхъ* съ Новгородцевъ, *Церковный* и *Земскій*, и наконецъ даровалъ Новугороду *грамоту* со многими преимуществами (18). *** По кончинѣ Ярослава Владимировича, дѣти его, Великіе Князья: Изяславъ, Всеволодъ и Святославъ, обще съ Вельможами своими, дополнили *Рускую правду* (19). ** 1016. *** 1056

Въ XII вѣкѣ.

Великіе Князья, Владимиръ II, или Мономахъ, Мстиславъ I и Ярополкъ II, издали многіе спатьи законовъ, кои присовокуплены къ законамъ Ярославлевымъ (20). По раздѣленіи Россіи на удѣльныя Княжества каждое изъ оныхъ имѣло свои законы; по нашествіи же Татаръ на Россію нѣкоторые изъ нихъ утратились; однако съ 1028 года обрѣтаютъ-

(17) *Краткая Россійская Исторія*, стр. 60. (18) *Указатель Россійскихъ законовъ*, часть I, стр. IV. (19) *Тамъ же.* (20) *Краткая Росс. Исторія*, стр. 60 и 61.

ся многія грамоты Великихъ Князей, какъ то: договорныя, мѣжевыя, жалованныя и проч. (21).

Въ XV вѣкѣ.

Великіе Князья, Василій Васильевичь Темный и сынъ его Іоаннъ Васильевичь Великій издали многіе законы. Первый, между прочими установленіями, дозволилъ Ростовскимъ Боярамъ судиться прежними ихъ законами; а вторый далъ Указъ о раздачѣ земель дѣтямъ Боярскимъ, каковыя дачи наименовались помѣстьями; сверхъ того при немъ же сдѣланы Учрежденія, касающіяся до Градскаго Благочинія, по силѣ которыхъ установлены разъѣзды по городу Москвѣ; а къ наблюденію общей безопасности наряжались знатнѣйшіе люди, подъ названіемъ *Объѣздныхъ* (22).

Въ XVI вѣкѣ.

Великій Князь Василій Іоанновичь далъ Указъ о торгѣ съ Индѣйцами, ** установилъ новые придворные чины, и

** 1.6

(21) *Указатель Россійскихъ Законовъ*, часть I, стр. V. (22) *Тамъ же*, часть I, стр. V.

издалъ, кромѣ другихъ узаконеній, Уложеніе объ отчинахъ (23). Наслѣдникъ Престола его, Царь Іоаннъ Васильевичь Грозный, обнародовалъ *Судебникъ*, ** составленный изъ прежнихъ законовъ, грамотъ, установленій и обрядовъ, *Стоглавникъ*, *** содержащій въ себѣ правила, до церкви и духовенства касающіяся, многія грамоты, многія другія узаконенія, служащія дополненіемъ къ Судебнику, и *Таможенный Уставъ* (24). — **** Сверхъ того, желая повсюду въ Россіи ввести единообразное судопроизводство, снабдилъ уставами городовыхъ и волостныхъ старостъ, сотскихъ и пятидесятскихъ. Губнымъ старостамъ далъ прежнюю, исправленную Губную грамоту, или законы о уголовныхъ преступленіяхъ (25).

** 1 680

*** 1.661

**** 1 671

Къ концу того же вѣка и въ продолженіи XVII.

Цари: Ѳеодоръ Іоанновичь, Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ, Василій Іоанно-

(23) *Тамъ же*, стр. VIII. (24) *Тамъ же*, стр. IX и X. (25) *Краткая Россійская Исторія*, стр. 149.

вичь Шуйскій и Михаилъ Ѳеодоровичь, издали такъ же многія узаконенія, поспѣшествующія торговлѣ съ иностранными народами, или благоустройству и порядку Государственному (26).

Преемникъ его, Царь Алексѣй Михайловичь, сверхъ многихъ мудрыхъ и полезнѣйшихъ постановленій, обнародовалъ *Ратный Уставъ* (27), *Наказъ Градскаго Благочинія*, * *Уложеніе*, которымъ до-селѣ во многихъ случаяхъ руководствуются ** и *Кормчую книгу*, содержащую въ себѣ догматы Христіанскія вѣры, и часть Гражданскихъ законовъ, относящихся до дѣлъ, порученныхъ Духовнымъ властямъ (28). Сынъ его, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь, издалъ новоуказныя статьи, *** также достославный и знаменитый Указъ, которымъ уничтожено *Мѣстничество*, **** и на-

* 1649

** 1650

*** 1676

****

(26) *Указатель Россійскихъ Законовъ* часть I, Стр. X и XI. (27) *Дополненіе къ дѣяніямъ Петра великаго*, часть I, стр. 4, 5 и 7. (28) *Указатель Росс. Зак.* часть I. стр. X и XII.

послѣдокъ, объ *учрежденіи Московской Академіи* (29).

Сообразно съ сими узаконеніями и тогдашнимъ положеніемъ Россіи, существовали въ оной, за долгое еще время до XVIII вѣка, различныя присутственныя мѣста, какъ-то: *Большая Дума*, въ которой дѣла вершились, въ присутствіи самихъ Государей. Палаты: *Расправная*, управлявшая Москвою въ отсутствіе ихъ и имѣвшая нѣкоторое сходство съ нынѣшнимъ Правительствующимъ Сенатомъ, *Золотая Расправная*, содержавшая списки всему дворянству, по которымъ наряжалось оно на службу Государскую и разбиралось старшинство родовъ онаго. Приказы: *Дворцовый Судный*, вѣдавшій всѣ дворцовые доходы; *Большаго Дворца*, имѣвшій попеченіе о всемъ нужномъ для Двора; *Бронной*, заготовлявшій брони, шлемы, сабли, луки, стрѣлы, панцыри и все, что только относилось до воинскихъ снарядовъ; *Посольской*, занимавшійся политическими внѣшними дѣлами; *Житной*,

(29) *Тамъ же.*

имѣвшій попеченіе о заготовленіи запаснаго хлѣба во всѣхъ городахъ на три года; *Печатной*, въ которомъ ко всѣмъ записямъ, крѣпостнымъ и суднымъ дѣламъ прилагались печати; *Ямской*, управлявшій почтами; *Разрядной*, судившіи дворянъ нижнихъ чиновъ; *Помѣстный*, вѣдавшій всѣ помѣстныя земли; *Патріаршій Судный*, распоряжавшій Патріаршими и монастырскими доходами; *Московской Судный*, занимавшійся судными дѣлами; *Пушкарской*, имѣвшій попеченіе о всемъ, что принадлежало къ артиллеріи; *Большой казны*, управлявшій Государственными доходами; *Иноземный*, вѣдавшій всѣхъ иностранцевъ, живущихъ въ Москвѣ и служащихъ въ войскахъ; *Каменный*, надзиравшій надъ всѣми Московскими строеніями; *Аптекарской*, которому подчинены были всѣ Аптекари, Доктора и Лѣкари. Сверхъ того существовали многіе другіе Приказы, Палаты и Присутственныя Мѣста; а въ селахъ и городахъ *Земская изба*, въ столицѣ же *Земской дворъ* или *Управа Благочинія* и *Денежный дворъ*, гдѣ

дѣлались золотая, серебреная и мѣдная монета, а равно и мѣдали на разные случаи (30).

Но возвратимся къ древнимъ Россійскимъ законамъ. О изящности оныхъ отзываются такимъ образомъ: *Леклеркъ*, не взирая на ненависть его къ Русскимъ, коею дышетъ вся исторія его древней и новой Россіи, убѣжденный на конецъ истинною и справедливостію говоритъ: „Не большое число *Ярослановыхъ* законовъ, ихъ простота, ихъ „точность, наказанія опредѣленныя для „каждаго вида преступленія, представляютъ образъ законодательства первобытнаго и первообразнаго въ „комъ вѣкѣ, въ которомъ просвѣщеннѣйшія Государства въ Европѣ не имѣли „столь простаго, столь яснаго и столь „утвержденнаго“ (31). Относительно же узаконеній, изданныхъ, Великимъ Княземъ Изяславомъ Ярославичемъ, восклицаетъ. „Какое благоразуміе! какая

(30) *Указатель Росс. Законовъ*, часть I, отъ XV до конца XXVIII стран. (31) *Примѣч. Г. Болтина*, часть I. стр. 274.

„мудрость, какая умѣренность для Го-
„сударя, рожденнаго Деспотомъ и въ
„такомъ вѣкѣ, когда большая часть
„Европы была еще Варварами! (32)“ А
Левекъ, касательно 3 статьи договора,
заключеннаго *Олегомъ* съ *Леономъ* Царемъ
Греческимъ, по силѣ которой убійца
предавался смерти на мѣстѣ престу-
пленія его, говоритъ слѣдующее: „За-
„коны Русскіе наказующіе убійцу смер-
„тію вящше мудры, нежели наши древ-
„ніе законы (французскіе), подвергающіе
„убійцу одному токмо денежному нака-
„занію; ибо они попускаютъ богатымъ
„быть убійцами ненаказанно„ (33). Отно-
сительноже уложенія Царя Алексѣя
Михайловича пишетъ онъ сими слова-
ми: „Посредѣ смятенія, колебавшаго
„Россію, Царь Алексѣй обнародовалъ
„свои законы. Для составленія оныхъ
„учредилъ онъ собраніе изъ мужей до-
„стопочтеннѣйшихъ во всемъ Госу-
„дарствѣ. Безъ сомнѣнія можно найти

(32) *Тамъ же*, часть I, стр. 274. (33) *Россій-
ская Исторія Г. Левека*, часть I, стр. 77 и 78.

„нѣкоторые недостатки въ сихъ зако-
„нахъ; но отречемся ли мы отъ любви
„и почитанія памяти Государя, кото-
„рый желалъ дать народу своему зако-
„ны, основанные на мѣстоположеніи его,
„на правилахъ, на обычаяхъ и на обра-
„зѣ правленія тогда, какъ нынѣ даже
„(то есть въ XVIII вѣкѣ) ни одна изъ
„Европейскихъ Державъ не имѣетъ зако-
„новъ приличныхъ ей. Дерзнемъ ли мы
„(Французы) порицать Алексѣя; мы, при-
„своившіе себѣ законы народа съ ко-
„имъ имѣемъ толикоеже сходство, ко-
„ликое имѣемъ сходство съ Китайцами
„или Индѣйцами; мы, почитающіе зако-
„нами собраніе обычаевъ Варварскихъ,
„собраніе бредней толкователей непо-
„нятныхъ и кучи опредѣленій Судей,
„кои разсматривали и долженствовали
„разсматривать одни только частные
„случаи, кои, не бывъ облечены вла-
„стію законодательною, произносили
„приговоры свои, слѣдуя обычаю, и ко-
„торыхъ сужденія содѣлались наконецъ
„законами; мы напослѣдокъ, имѣющіе
„толикое число законовъ, что человѣкъ

„не можетъ ихъ прочесть во всю про-
„должительнѣйшую жизнь“ (34).

Вотъ какимъ образомъ отзываются Леклеркъ и Левекъ о мудрости законовъ Россійскихъ, и о недостаткахъ законовъ самой Франціи XVIII вѣка! А Г. Болтинъ, основываясь на сказаніи Дюканжа, говоритъ: „что въ самой Франціи не „было письменныхъ законовъ даже до „XV вѣка; что Пандекты, найденныя въ „Амалфіи 1137 года, въ срединѣ сего „столѣтія преподавались въ разныхъ „городахъ Франціи за часть токмо „Схоластическаго ученія; что Карлъ VII, „Король Французскій, 1453 года указалъ „собрать и привесть въ порядокъ за-„коны обычаевъ каждой провинціи; что „глубокое невѣжество, въ которомъ „Франція погружена была въ продол-„женіи IX и X вѣковъ, весьма способ-„ствовало введенію сихъ законовъ обы-„чайныхъ; что, выключая духовныхъ, не „многіе умѣли тогда грамотѣ, и какъ „по сей причинѣ не возможно было „имѣть прибѣжища къ законамъ пись-

(34) *Тамъ же*, часть 4, стр. 45.

*

„менным: то законы обычаевъ одни „почти имѣли силу въ Государствѣ по „всѣмъ дѣламъ; и что напослѣдокъ „Судьи не имѣя другихъ правилъ къ „опредѣленію своихъ рѣшеній, кромѣ „обыкновеній, часто встрѣчали затру- „дненіе въ пріисканіи основательныхъ „причинъ приговорамъ своимъ; и для „того принуждены были въ сумнитель- „ныхъ случаяхъ собирать стариковъ и „предлагая имъ дѣло, вопрошать ихъ: „какъ прежде поступали, или какого „обычая держались въ подобномъ дѣлѣ? „Каковый обрядъ назывался Enquête „par tourbe (35).

Теперь пусть сами благоразумные и безпристрастные читатели скажутъ: во первыхъ, справедливоли Г. Кондильякъ и Милотъ пишутъ: одинъ, что Русскіе до XVIII вѣка были люди безсмысленные, во тьму невѣжества погруженные, звѣрямъ остервененнымъ подобные; а другой, что Россія до конца XVII вѣка была страна, лишенная благо-

(35) *Примѣчанія Г. Болтина*, часть 2, стр. 307 и 311.

чинія, благоуправленія, политики и просвѣщенія, когда издревле существовали въ оной письменные и положительные законы, охраняющіе благоденствіе всѣхъ и каждаго, и краткостію, ясностію и мудростію своею, превосходящіе законы прочихъ Европейскихъ Державъ, о чемъ, какъ вышепоказано, свидѣтельствуютъ писатели Г. Кондильяку и Милоту соплеменные; когда въ оной всѣ отрасли Государственнаго Правленія постановлены были въ правила тогдашнему времени и нуждамъ приличныя; и когда для управленія оными учреждены были многіе мѣста Присутственныя? А во вторыхъ, какую должно имѣть вѣру къ Г. Кондильяку, Милоту и подражателямъ ихъ столь нагло клевещущимъ, грубую ложь за истинну выдающимъ и тѣмъ несправедливо оскорбляющимъ и современниковъ своихъ и потомство?

О СЛОВЕСНОСТИ.

Словесныя науки существовали въ отечествѣ нашемъ отъ давнихъ временъ: сіе неоспоримо доказывается, какъ древними нашими законами, о коихъ я выше говорилъ, такъ особенно договорами, заключенными еще въ X вѣкѣ Олегомъ и Великимъ Княземъ Игоремъ съ Греческими Императорами; ибо безъ познанія Словесности, безъ непосредственнаго ея распространенія и даже безъ нѣкоего совершенства оной, не возможно было бы изложить, ни законовъ, объемлющихъ многіе предмѣты нравственнаго, Гражданскаго и Политическаго состоянія Государства, ниже мирныхъ, дружественныхъ и торговыхъ договоровъ съ такою силою, выразительностію, точностію и, можно сказать, красотою въ мысляхъ и въ слогѣ, каковыя видны во многихъ мѣстахъ сихъ постановленій.

Въ X вѣкѣ.

Великій Князь Владиміръ Святославичь, по воспріятіи Христіанскія

вѣры, учредилъ въ Кіевѣ училища, въ коихъ воспитывались дѣти отличныхъ Гражданъ и въ которыхъ преподавались науки Греческими наставниками (1); слѣдственно тогда, какъ вся Европа пребывала еще во мракѣ глубокаго невѣжества, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе иноплеменные писатели. Сей же мудрый Государь посылалъ нарочныхъ путешествовать въ Римъ, во Іерусалимъ, въ Египетъ и даже въ Вавилонъ для приобрѣтенія о тамошнихъ странахъ свѣденія въ пользу своего Государства (2). Посольство сіе ясно показываетъ, что въ тогдашнее уже время предки наши знали чуждые языки и имѣли непосредственное понятіе какъ о наукахъ и художествахъ, такъ и о всѣхъ отрасляхъ, народное просвѣщеніе образующихъ; ибо безъ сего познанія, не могло бы даже возродиться самое желаніе къ толико важному и толико отдаленному путешествію, ниже оное совершено быть

(1) *Несторъ*, стр. 84, и *Россійская Исторія Левека*, часть I, стр. 135. (2) *Краткая Росс. Исторія.* стр. 23.

съ пользою для Государства. По отправленіи сего посольства, Великій Князь Владимиръ Свяпославичь приказалъ перевесть не малое число духовныхъ книгъ съ Греческаго на Славянскій языкъ; и Евангеліе чипано уже было на семъ послѣднемъ прежде еще 996 года (3). Вотъ и еще убѣдительнѣйшее подтвержденіе, что предки наши отъ давняго времяни знали Грамматически, какъ свой, такъ и Греческій языкъ: истинну сію свидѣтельствуютъ изящность и достоинство самыхъ переводовъ. Кто не восхищается даже нынѣ преложеніями на древній нашъ языкъ стараго и новаго Завѣта, Іермологіи Святаго Іоанна Дамаскина, особливо же Псалтири, гдѣ, такъ сказать, дышутъ великолѣпіе, величіе, сила, твердость, обиліе, витійство древняго нарѣчія достопочтеннѣйшихъ предковъ нашихъ; и гдѣ, какъ въ единственномъ и неизчерпаемомъ кладязѣ, заимствовали несравненныя красоты слова безсмертные поэты наши;

(3) *Лѣтопись Нестора* стр. 88.

и днесь заимствуютъ оныя знаменитые наши писатели, дѣлающіе изящными своими твореніями честь Россійской словесности и нашему вѣку? Толико-то превосходно перевели Священное Писаніе мудрые праотцы наши!

Въ XI вѣкѣ.

Тогда, какъ большая часть Европы отправляла богослуженіе на языкѣ чуждомъ, коего не разумѣла, то есть, на Латинскомъ, Русскіе приносили обѣты свои Господу силъ на собственномъ языкѣ (4). Сіе признаніе принужденъ былъ наконецъ сдѣлать даже Леклеркъ, тотъ самый Французъ, который написалъ Россійскую Исторію не чернилами, а желчію, и котораго перомъ управляла не истинна и справедливость, но ложь достойно посрамленная Г. Болтинымъ (5).

---

(4) *Исторія древняя и новыя Россіи* Г. Леклерка, стр. 53, и *Примѣчанія на оную Г. Болтина*, часть 2, стр. 61. (5) Леклеркъ Исторію сію наполнилъ, большею частію, нелѣпостями оскорбительными для Рускихъ; а Г. Болтинъ, 1788 года, издалъ возраженіе на

Великій Князь Ярославъ Владимировичь, весьма любившій науки, въ 1032 году построилъ въ Новѣ городѣ домъ, въ коемъ воспитывались и наставлялись въ словесныхъ наукахъ триста юношей изъ дѣтей старостинскихъ и священническихъ; а въ 1037 году собралъ онъ многихъ ученыхъ мужей для перевода церковныхъ книгъ съ Греческаго языка на Славянскій; каковой переводъ, по совершеніи онаго, положилъ въ Софійскомъ Кіевскомъ соборѣ (6). Мудрый сей Государь старался содержать отечество свое въ тишинѣ, строить и населять города, ограждать ихъ законами, употреблять духовенство къ просвѣщенію, вспомоществовать ему въ томъ посредствомъ искусныхъ людей, содержанныхъ на Государственномъ иждивеніи, и пользоваться храбрыми воинами и превосходными художниками; все сіе было причиною, что Россія во времена Ярославлевы

оную подъ названіемъ: *Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи Г. Леклерка.*

(6) *Россійская Исторія Левека*, часть I, стр. 161.

спѣшно достигала благосостоянія и просвѣщенія своего: чѣмъ приобрѣла сполъ высокое уваженіе отъ знатнѣйшихъ Европейскихъ державъ, что тогдашній Греческій Императоръ и Короли, Польскій, Венгерскій, Шведскій, Норвежскій, Англинскій и Французскій, искали родственнаго съ нимъ союза, которымъ и были сопряжены, какъ ниже сего показано будетъ (7). Не взирая однако же на знаменитыя дѣлнія мудраго сего Государя, не взирая на родственные его союзы съ первѣйшими вѣнценосцами тогдашнихъ временъ, дѣлавшіе его достоуважаемымъ и извѣстнымъ отъ предѣлъ Греціи до предѣль Англіи, Волтеръ, наводнившій Европу твореніями, въ коихъ не были щадимы ни достоинство и святость Христіанскія вѣры, ни достоинство и величіе Монарховъ, единственныхъ виновниковъ блаженства народнаго, не стыдится въ исторіи своей называть Великаго Князя Ярослава Владимировича *Княземъ неизвѣстнымъ*

(7) *Краткая Россійская Исторія*, стр. 28 и 29.

Россіи незнаемой (8). Вотъ сколь священна была истинна для Г. Волтера, оракула Европы XVIII Вѣка! Народному просвѣщенію во времена Ярославлевы не посредственно содѣйствовали Митрополитъ Леонтій, мужъ ученѣйшій, и многіе другіе (9). Сынъ Ярослава Владимировича, Великій Князь Всеволодъ Ярославичь, любилъ и покровительствовалъ наукамъ. Онъ самъ говорилъ на пяти языкахъ иноплеменныхъ, изъ коихъ полагаются: первымъ, Греческій по причинѣ пѣснаго съ Греками союза, торговли и потому, что многіе изъ нихъ жили въ Кіевѣ домами и въ духовныхъ званіяхъ находились; вторымъ, Латинскій по причинѣ всеобщаго употребленія его тогда при Европейскихъ дворахъ; третьимъ, Нѣмецкій потому, что весьма много было въ Россійской службѣ у великихъ и удѣльныхъ Князей не токмо простыхъ, но и чиновныхъ Нѣмцовъ; четвертымъ, Венгерскій по сосѣдству,

(8) *Россійская Исторія Г. Леввка*, Часть 1, стр. 164. (9) *Сочиненія и переводы Росс. Акад.* 1810 года, часть IV, стр. 246.

свойству и Государственнымъ связямъ; и пятымъ, Польскій по тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ (10): слѣдственно говорилъ на пяти языкахъ, не варварскихъ, дикихъ и кочующихъ племенъ, знаніе которыхъ ничего, или, по крайнѣй мѣрѣ, весьма мало бы значило; но на пяти языкахъ народовъ образованныхъ и извѣстныхъ свѣту или просвѣщеніемъ, или знаменитыми дѣяніями своими, изъ которыхъ знаніе Греческаго и Латинскаго и нынѣ даже почитается непосредственнымъ достоинствомъ знаменитыхъ ученостію писателей. Дщерь его Анна, постриженная въ Монахини и имѣвшая пребываніе свое въ Кіевѣ, въ монастырѣ Св. Андрея, завела въ ономъ училище для юныхъ дѣвицъ, гдѣ онѣ обучались чтенію, письму и пѣнію. Во время сего Великаго Князя жили, въ Кіевѣ Митрополитъ Іоаннъ и въ Переяславлѣ Епископъ Ефремъ, кои весьма способствовали народному просвѣщенію (11).

(10) *Тамъ же*, стр. 247. (11) *Краткая Росс. Исторія*, стр. 32.

Въ XII вѣкѣ

Существовали уже народныя училища въ Смоленскѣ, въ которыхъ учители Греческаго и Латинскаго языка содержались на иждивеніи Княжескомъ (12). Одному изъ сихъ училищъ Великіе Князья подарили библіотеку, заключающую въ себѣ болѣе тысячи Греческихъ книгъ (13). Великій Князь Владимирскій Михаилъ Юрьевичь и другіе говорили по Гречески и по Латинѣ; особливоже уважали науки Князья, Ярославъ Галицкій, Романъ Смоленскій, Святополкъ Новгородскій и Константинъ Всеволодовичь, Великій Князь Бѣлорусскій. Онъ самъ трудился въ собраніи дѣяній бывшихъ до него Князей Русскихъ, кои однакожъ и съ библіотекою его за случившимся потомъ пожаромъ и за нападеніемъ Татаръ до насъ не дошли (14). Тогдаже жилъ въ Кіевѣ Митрополитъ Климентъ, мужъ весьма ученый и многія сочиненія на-

(12) *Тамъ же*, стр. 59. (13) *Несторъ*, или *Русскія лѣтописи Г. Шлецера*, часть I, стр. 31 (14) *Краткая Россійская Исто-*

писавшій (15). Прошедшій, равно какъ и сей XII вѣкъ, знаменитны были успѣхами свѣтской словесности отечества нашего; ибо въ послѣдней половинѣ перваго и въ началѣ втораго преподобный Несторъ, Монахъ Кіевопечерскаго монастыря, отецъ Россійской Исторіи, писалъ знаменитую свою лѣтопись; а въ концѣ XII вѣка сочинена была не извѣстнымъ поэтомъ Историческая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго Князя Игоря Святославича, твореніе всѣмъ нынѣ извѣстное и исполненное величайшими красотами поэзіи. До Нестора Исторія не токмо Славянская, но и всего Сѣвера покрыта была темнотою; ибо всѣ почти сѣверные Историки писали послѣ уже Нестора. Издатель лѣтописи его говоритъ: „невозможно намъ не радоваться, имѣя „собственнаго своего столь древняго „лѣтописателя. Начинаетъ онъ повѣ„ствованіе свое не выше, какъ отъ на-

---

ріи, стр. 60. (15) *Лѣтопись Никона*, часть 2, стр. 95.

„чала Россійской Монархіи, и тѣмъ са-
„мымъ отличаетъ себя отъ Польскихъ,
„Шведскихъ и Исландскихъ историковъ,
„которые едва могли прямо знать то,
„что не за долго до нихъ дѣлалось, а
„однако съ безстыдною смѣлостію опи-
„сывали дѣла, за тысячу и болѣе лѣтъ
„до нихъ происходившія, и чрезъ то
„начала своихъ Исторій сдѣлали не вѣ-
„роятными и смѣшными. Сей ко всс-
„знанію, или лучше сказать, къ ложъ-
„нымъ повѣствованіямъ склонности мы
„въ нашемъ Несторѣ не находимъ. Бла-
„горазумію его одолжены мы за то,
„что наша древняя Исторія несравненно
„больше вѣроятности и ясности въ
„себѣ имѣетъ, нежели всѣхъ прочихъ
„Сѣверныхъ народовъ исторіи; а сіе
„есть толикое въ писателѣ превосход-
„ство, которое обязываетъ насъ, въ
„случаѣ разногласія его съ лѣтописа-
„телями древнихъ сосѣдственныхъ на-
„родовъ, отдавать всегда преимуще-
„ство ему, какъ такому Историку, ко-
„торый всѣхъ прочихъ и древностію

„и вѣрностію далеко превосходитъ“ (19.) Вотъ какимъ образомъ отзываются ученые люди о преподобномъ Несторѣ, знаменитомъ историкѣ нашемъ; продолжатели его были: Силвестръ, Игуменъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря, и еще двое, имяна которыхъ время отъ насъ похитило (17).

Въ XIII вѣкѣ.

Словесныя науки со всѣмъ почти угасли (18) по причинѣ владычества Татаръ надъ Россіею, которое воспріяло начало свое и толико долговременно продолжалось отъ несогласія удѣльныхъ ея Князей; невзирая однакоже на то, жили въ семъ вѣкѣ многіе частные лѣтописатели. Они подробно говорили о произшествіяхъ тѣхъ Княжествъ, въ которыхъ находились, упоминая о другихъ мимоходомъ. Изъ сихъ частныхъ лѣтописателей извѣстны только двое Симонъ, Епископъ Суздальскій, скончав-

(16) *Житіе преподобнаго Нестора*, напечатанное при лѣтописи его, стр. III. (17) *Тамъ же*, стр. XI. (18) *Краткая Росс. Исторія*, стр. 106.

шійся 1226 года, и Іоаннъ, Священникъ Новгородскій, писавшій подъ 1230 годомъ, что онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ повѣствуемыхъ дѣяній (19).

Съ XIV вѣка.

По ослабленіи Кипчакской орды науки паки начали процвѣтать (20).

Въ началѣ XVI и въ продолженіи онаго:

Цари, Іоаннъ Васильевичь Грозный и Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ, особенно покровительствовали наукамъ. Въ Царствованіе перваго жили многіе ученые мужи, какъ то: Максимъ, сочинитель Россійской Граммапики, Кипріянъ и Макарій Митрополиты, Творцы Степенной и другихъ книгъ, Стефанъ, знаменитый Святитель Велико-Пермскій, озарившій Пермь Христіанскою вѣрою и науками, и преложившій на Пермскій языкъ всю Церковную службу и многія другія книги. По повелѣнію Царя Іоанна Васильевича, 1592 года заведена въ Москвѣ типографія, гдѣ тогда же и

(19) *Вѣстникъ Европы*, 1809, мѣсяцъ февраль, No 3, стр. 206. (20) *Краткая Россійская Исторія*, стр. 106.

отпечатаны были многія духовныя и гражданскія книги, изъ коихъ первая дѣянія Св. Апостолъ (21) и учреждены въ Новгородѣ и во Псковѣ училища для обученія Россійскаго юношества Латинскому и Немѣцкому языкамъ (22). Царь Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ приказалъ сдѣлать Географическую карту Россійской Имперіи (23). Онъ же 1599 года отправилъ въ чужіе краи семнадцать человѣкъ юношей для сугубаго познанія наукъ: пятеро изъ нихъ посланы были въ Любекъ, а прочіе ко двору Карла IX, Короля Шведскаго. Сверхъ того для усовершенствованія въ наукахъ сына своего, обучавшагося съ прочими знатными Боярскими дѣтьми Латинскому и другимъ языкамъ, пригласилъ въ Россію Англинскаго знаменитаго тогда Математика Джона Дея, назнача ему 10.000 руб-

(21) *Сочиненія и переводы Росс. Акад.* 1810 годъ, часть IV, Стран. 264. (22) *Похвальное слово Царю Алѣксею Михайловичу* Г. Львова, удостоенное Росс. Акад. награжденія золотою медалью, стр. 6 въ примѣчаніяхъ. (23) *Тамъ же*, стр. 7.

лей годоваго жалованья, и основалъ въ Москвѣ для всенароднаго ученія Заиконоспаское училище, что нынѣ Академія, гдѣ преподавались между прочими науками языки Славянскій, Греческій и Латинскій (24).

Въ XVII вѣкѣ.

Царь Алексѣй Михайловичь любилъ читать и слушать изящныя иностранныя книги о наукахъ и художествахъ; полезныя же приказалъ переводить на Россійской языкъ (25). Въ часы покоя отъ тяжкаго бремени Государственнаго Правленія, онъ читалъ уже на отечественномъ своемъ языкѣ Квинта Курція (26). Возобновилъ Заиконоспаское училище. При немъ начались театральныя представленія. Во время его Іеромонахъ Симіонъ Полоцкій, бывшій учителемъ Царя Ѳеодора Алексѣевича преложилъ въ стихи Псалмы, написалъ Обѣдъ и

(24) *Сочиненія и переводы Росс. Акад.* 1810 года, часть IV, стр. 265. (25) *Тамъ же*, стран. 271. (26) *Похвальное слово Царю Алексѣю Михайловичу* Г. Львова, стр. 44.

Вечеръ духовный (27) и много другихъ книгъ и нѣсколько драммъ, которыя играны были при дворѣ (28). Дмитрій Ростовскій сочинилъ противъ упорствующихъ раскольниковъ Розыскъ или разсмотрѣніе; собралъ, исправилъ и издалъ подъ имянемъ Минеи Четьи житія всѣхъ Святыхъ, написалъ много поучительныхъ словъ, разсужденіе о подобіи Божіемъ, три лѣтописи: 1 келейную отъ начала міра; 2, о Словянскомъ народѣ и 3 о построеніи церквей и о постановленіи въ Россіи Архіереевъ; четыре духовныя драммы стихами и книгу *Руно орошенное* исправилъ и умножилъ своими нравоученіями (29). Какъ сей святитель, такъ и Симіонъ Полоцкій, сверхъ словесности, искусны были въ звѣздословіи и прочихъ математическихъ наукахъ. (30)

(27) *Сочиненія и переводы Росс. Акад.* 1810 часть IV. стр. 273. (28) *Похвальное слово* Г. Львова. стран. 11 въ примѣчаніяхъ. (29) *Словарь Исторической знаменитыхъ мужей*, часть V. стр. 151. (30) *Сочиненія и переводы Росс. Акад.* 1810, часть IV. стр. 273.

Іеромонахъ Епифаній Славенецкій сочинилъ словари Греко-славено лаπинской и филологической и многія другія поучительныя творенія: подъ надзоромъ его переведено много книгъ съ Греческаго на Славянскій языкъ (31). Боярин Ртищевъ построилъ Спасо-Преображенской монастырь, собралъ туда 30 братей, ученыхъ Монаховъ, изъ разныхъ мѣстъ, и основалъ ученое общество, гдѣ преподавались многія высокія науки и языки (32). И наконецъ Патріархъ Никонъ собралъ полную Россійскую лѣтопись; подъ его смотрѣніемъ исправлялись церковныя книги по Греческимъ рукописямъ, присланнымъ изъ Аѳонской горы и изъ другихъ мѣстъ Греціи (33). Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь, знавшій языки Греческій и Лаπинскій, весьма любившій науки и самъ въ оныхъ упражнявшійся, особливую имѣлъ склонность къ стихотворенію, театральнымъ зрѣли-

(31) *Похвальное слово* Г. Львова, стр. 10 въ примѣчаніяхъ. (32) *Тамъ же*, стран. 8. (33) *Словарь Историческій* знаменитыхъ мужей, часть X, стр. 148.

щамъ и музыкѣ. Онъ утвердилъ возобновленное родителемъ его Заиконоспаское училище, гдѣ предположено было преподавать: Грамматику, Піитику, Риторику, Діалектику, Философію умозрительную, Естественную и Нравственную, Богословію, Права Гражданскія и прочія Свободныя Науки (34). Сверхъ того, какъ любитель музыки, ввелъ вмѣсто прежняго не столь стройнаго Церковнаго пѣнія согласное, изъ многихъ голосовъ состоящее и партеснымъ называемое (35). Сестра его Царевна Софія Алексѣевна, какъ говоритъ преданіе, перевела нѣсколько книгъ съ Французскаго языка и сочинила двѣ трагедіи.

И такъ, справедливо ли Кондильякъ и Милотъ пишутъ: одинъ, что Рускіе до XVIII вѣка были люди безсмысленные, во тьму невѣжества погруженные, остервененнымъ звѣрямъ подобные; а другой, что Россія была страна, лишенная просвѣщенія до конца XVII вѣка? Ска-

(34) *Сочиненія и переводы Росс. Академіи* 1810, часть IV, стран. 265. (35) *Краткая Росс. Исторія*, стр. 161.

жутъ, не многіе содѣланы успѣхи въ свѣтской словесности до сея эпохи; но должно ли то относить къ невѣжеству предковъ нашихъ? можетъ быть, имѣя въ превосходнѣйшемъ переводѣ Священнаго писанія на отечественной языкъ словесность высокую, сильную, краснорѣчивѣйшую, питающую умъ истинами неопровергаемыми, воспламеняющую душу благороднѣйшими чувствованіями, глубокимъ благоговѣніемъ къ Богу, непоколебимою вѣрностію къ Государю, пламенною любовію къ отчизнѣ, сладостно убѣждающую сердце ко всѣмъ добродѣтелямъ, образующимъ прямаго человѣка; словесность, заключающую въ себѣ совершенство истиннаго просвѣщенія и созидающую, какъ общественное, такъ и семейственное благоденствіе, предки наши не безъ основанія находили свѣтскія творенія несравненно ниже духовной словесности *въ разсужденіи существеннаго образованія человѣка*, и потому не занимался оными съ большею дѣятельностію. Кто не согласится, что по превосходнѣйшемъ и неподражаемомъ

переводѣ Священнаго писанія, имъ не трудно было бы подобнымъ же образомъ перевесть и свѣтскія творенія древнихъ знаменитыхъ писателей, или же подражать онымъ сочиненіями своими? Слѣдственно, не невѣжество и безсмысліе предковъ нашихъ виною слабыхъ успѣховъ свѣтской словесности, но совсѣмъ другія причины. Главнѣйшими изъ оныхъ полагать должно слѣдующія: первое то, что съ 1237 по 1481 годъ, въ продолженіе слишкомъ двухъ вѣковъ, Россія, отъ несогласія Удѣльныхъ Князей ея, находилась подъ тяжкимъ бременемъ жестокаго владычества Татаръ (36), служа Европѣ спасительнымъ отъ нихъ Егидомъ; ибо съ 1243 года, то есть со времени опустошенія огнемъ и мечемъ Венгріи и Польши, со времени приведенія въ ужасъ всей Германіи, Италіи и даже Франціи, когда Людовикъ IX, Король Французскій, успокоивалъ страхъ своея матери единымъ токмо упованіемъ на Благость Божію (37),

(36) *Краткая Росс. Исторія*, стр. 65 и 115.
(37) *Россійская Исторія Г. Левека*, часть 2,

Татара, не находя почти ни гдѣ сопротивленія, кромѣ Россіи, всѣ свои силы устремляли противу оной; второе, что въ началѣ XVII вѣка отечество наше раздираемо было внутренними крамолами Лже-Димитріевъ, вторженіями Поляковъ и коварными дѣйствіями Шведовъ, призванныхъ Русскими на помощь; третіе, что сіе печальное время, когда повсюду видимъ былъ единый токмо мечь, дымящійся кровію, или враговъ Россіи, или вѣрныхъ ея сыновъ, когда спокойствіе всѣхъ чиносостояній распорглося, мирныя упражненія прекѣлись и земледѣлецъ и мудрецъ пріяли оружіе, не могло быть временемъ поспѣшествующимъ успѣхамъ наукъ и словесности; четверпое, что продолженіе сего вѣка также не могло быть благопріятствующимъ для оныхъ, какъ время, въ которое нужно было заняться предпочтительнѣе всего возстановленіемъ мира, тишины и порядка Государственнаго, раздорами и бранями вовсе истребленнаго. Не взирая однако же на сіе въ XV, XVI и XVII вѣкѣ жили, какъ то

стр. 119 и 120.

выше показано, многіе ученые мужи, а въ послѣднемъ существовало въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ ученое общество, изъ 30 Иноковъ состоящее, въ которомъ преподавались высшія науки и ученые языки, то есть Греческій и Латинскій, что все едвали бы могло быть у другихъ Европейскихъ народовъ при обстоятельствахъ, въ каковыхъ тогда находилась, можно сказать, возраждающаяся Россія; однимъ словомъ, виною слабыхъ успѣховъ словесности нашей XVII вѣка, не невѣжество и безсмысліе предковъ нашихъ, но нещастіе, которому подвергаются цѣлые народы, равно какъ и частные люди, которое разрушило обширнѣйшую Имперію Римскую, затмило блистательное состояніе древней Греціи, повергло сію, прежде просвѣщеннѣйшую страну во мракъ глубокаго невѣжества, въ коемъ она и днесь пребываетъ, и которое наконецъ торжествуетъ надъ всѣми усиліями народовъ, но неможетъ быть имъ предосужденіемъ, поколику независитъ отъ власти и возможности ихъ устранить

оное отъ себя. Вотъ истинныя причины слабыхъ успѣховъ Свѣтской Словесности въ отечествѣ нашемъ до XVIII вѣка! Въ прочемъ, болѣе ли просвѣщены были сосѣдственные намъ Европейскіе народы до XV столѣтія? Наука читать и писать, говоритъ Г. Болтинъ въ примѣчаніяхъ своихъ на Россійскую Исторію Г. Леклерка, была рѣдкимъ извѣстна въ Европѣ до XV вѣка (38). Большая часть Вельможъ и сами Короли грамотѣ не знали. Многія грамоты, сохранившіяся доселѣ въ цѣлости, показываютъ, что вмѣсто подписанія оныхъ ставлены были на нихъ токмо кресты собственною рукою: Signum crucis manu propriâ pro ignoratione litterarum (39). Около X и XI вѣка ввелся обычай во Франціи, Германіи и Англіи прощать преступниковъ, осужденныхъ на смерть, есіпьли они умѣли грамотѣ (40): толико-то грамотные были рѣдки въ Евро-

(38) *Примѣч. Г. Болтина*, часть 2, стр. 265

(39) *Ducange. Voc. crux*, *vol.* t. III p. 1191 *примѣчаній Болтина*, часть 1, стр. 85.

(40) *Тамъ же.*

пѣ! Въ исходѣ XIII вѣка Филипъ III, Король Французскій, не умѣлъ читать и писать (41). Въ XIV вѣкѣ Бертранъ Дюгесклинъ, Конетабль Французскій, первой Государственный человѣкъ, не зналъ грамоты (42), и большая часть духовныхъ изъ первѣйшихъ сановъ не умѣли подписывать каноновъ на соборахъ, въ коихъ были членами (43). При возобновленіи великимъ Княземъ Васильемъ Іоанновичемъ въ 1524 году мира съ Швеціею, первый полномочный Шведскій посланникъ Канутъ Ериксонъ не умѣлъ писать, и для того велѣлъ вмѣсто себя къ трактату руку приложить духовнику своему (44). Вотъ сколь просвѣщенны были иноплеменники даже въ началѣ XVI вѣка! Напротивъ того, какъ выше сказано, въ отечествѣ нашемъ знаніе грамоты было почти общее всѣмъ.

---

(41) *Тамъ же*, стр. 86. (42) *Sainte-Palais, mem, sur l'anc. Chevalerie*, t. II. и *Примѣч. Болтина*, часть 1. стр. 86. (43) *Nouv. Traité de diplom.* t. II. p. 424 и *Примѣч. Болтина*, часть I, стр. 86. (44) *Краткая Россійская Исторія*, стр. 119.

Левекъ говоритъ: „Не должно думать, „какъ я то неоднократно уже повто„рялъ, чтобы до Царствованія Петра I, „мало было въ Россіи умѣющихъ писать. „При дворѣ вели подробнѣйшія дневныя „записки произшествіямъ и дѣламъ са„мымъ обыкновеннымъ: Казаки Сибирскіе „подобнымъ образомъ вели дневныя за„писки путешествіямъ своимъ и черти„ли карты открытіямъ ихъ. Словомъ, „въ Россіи, по древнему обычаю, имѣлось „и находится рукописей болѣе, нежели „во всякомъ другомъ Европейскомъ Го„сударствѣ (45). А ученый Г. Шлецеръ „пишетъ: „Изъ всѣхъ новѣйшихъ наро„довъ Русскіе начали *первые* обработы„вать языкъ свой: а изъ Славянъ, они „только одни писали временники на сво„емъ языкѣ. Хотя *Англо-саксы* получили „письмена за сто лѣтъ прежде ихъ, *а* „*Исландцы* въ одно съ ними время; од„накоже Руссы не только что писали „на своемъ языкѣ, но даже очень рано

(45) *Россійс. Исторія Г. Левека*, часть 4, стр. 142.

„начали искусно образовать его (46). И послѣ сего Кондильякъ и Милотъ не краснѣясь говорятъ, что Россія, любезнѣйшее наше отечество, была страна дикая, варварская, а Русскіе безсмысленные даже до XVIII вѣка? Колико нелѣпая ложь! колико неимовѣрная клевѣта, постыдная творцамъ ея во всѣ времена!

(46) *Несторъ, или Русскія лѣтописи Г. Шлецера*, часпь I, стр. ое.

Продолженіе будетъ впредь.

С. Филатовъ.

КАЙ-МУЦІЙ-СЦЕВОЛА,

или

ПРИМѢРЪ ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Порсена, Царь Этрурскій, осадилъ Римъ, въ 246 году отъ основанія онаго. Тогда, какъ сія осада исполняетъ Римъ ужасомъ и смятеніемъ; тогда, какъ возникаетъ гладъ въ осажденномъ градѣ, и Римляне, отчаясь спасти свободу свою, соглашаются наконецъ здаться непріятелю, Каій-Муцій, юноша произхожденія знаменитаго, неустрашимый и дышущій пламенною любовію къ отечеству, воспріемлетъ намѣреніе спасти оное и убить Порсену по средѣ воинства его; но неоткрывая никому своего намѣренія, онъ входитъ въ Сенатъ и вѣщаетъ слѣдующее:

Отцы отечества! Я вознамѣрился переплыть Тиберъ и проникнуть во враждебный станъ Порсены, не для грабежа въ ономъ, по праву брани, но для нѣкоего подвига, вящше знаменитаго, естьли только не-

бо вспомоществовать будетъ предпріятію моему. Благоволите дозволить мнѣ совершить мое намѣреніе.

Сенатъ соглашается, и Кай-Муцій оставляетъ Римъ, преплываетъ Тибръ, достигаетъ стана непріятельскаго, входитъ въ шатеръ Порсены, и не зная его въ лице, поражаетъ мечемъ, вмѣсто самаго Царя, единаго изъ военачальниковъ его. Мгновенно емлется онъ, и тогда, какъ Порсена трепещетъ отъ изумленія и гнѣва, Кай-Муцій ни мало не смущаясь, произноситъ къ нему сіи слова:

Я Римлянинъ. Пришелъ лишить тебя жизни, яко врага моего отечества. Мужественно претерплю смерть, которую тебѣ предназначалъ: достойно бо каждаго Римлянина презирать мученія и дерзать на всѣ ужасы. Не я единый устремляюсь на твою пагубу: ты узришь многихъ моихъ соповарищей текущихъ по слѣдамъ моимъ къ сей же славѣ: будь остороженъ; и естьли хощешъ вѣрить мнѣ, будь всегда окруженъ стражею такъ, какъ будто бы мстители

Рима готовы уже были разить тебя своими мечами. Ожидай ихъ днемъ и нощію, назирающихъ тебя при шатрѣ твоемъ. Не страшись ни воинства Римскаго, ни сраженій: мы будемъ приходить къ тебѣ по единому человѣку. Тако юношество Римское клялось воевать съ тобою.

Порсена повелѣваетъ Каію открыть время исполненія сего заговора и всѣ онаго подробности, устрашая сожещи его живаго, естьли онъ упорствовать будетъ въ молчаніи. Тогда Кай-Муцій мужественнымъ гласомъ отвѣтствуетъ ему:

Зри, сколь мало думаютъ о жизни и о мученіяхъ тѣ, кои воспламеняются любовію къ отечеству, и съ симъ словомъ возлагаетъ правую руку на разженное уголье, сожигаетъ оную до локтя и не изъявляетъ ни малѣйшаго знака болѣзни. Порсена, пораженный толикимъ мужествомъ, спѣшитъ устранить руку Каія-Муція отъ пламени и вѣщаетъ къ нему:

Удались отъ сюда мучитель самаго

себя, мучитель лютѣйшій, нежели каковымъ Порсена по справедливости долженствовалъ бы быть. Я вознаградилъ бы тебя торжественно предъ лицемъ всего моего воинства, естьли бы ты преданъ былъ мнѣ. Возвратись: я отрицаюсь отъ всѣхъ правъ, каковыя брань даетъ мнѣ на твою свободу и на твою жизнь. Тогда Муцій отвѣтствуетъ ему:

Государь! Великодушіе твое побѣждаетъ меня. Во изъявленіе признательности моея къ оному, я открою тебѣ то, чего бы ты ни какими мученіями не могъ изторгнуть изъ меня. Вѣдай: триста юношей Римскихъ заклялись, подобно мнѣ, лишить тебя жизни. Я долженъ былъ подать имъ примѣръ, поелику жребій палъ на меня перваго. Они будутъ слѣдовать одинъ за другимъ по чредѣ, доколѣ не свершатъ своего намѣренія.

Порсена, устрашенный опасностію своею, величіемъ духа враговъ его и любовію ихъ къ отечеству, премѣняетъ вражду свою къ Римлянамъ въ почтеніе и дружбу; отправляетъ въ Римъ пословъ просить мира, заключаетъ оный, сни-

маетъ осаду и возвращается во свояси, исполнень будучи удивленія къ героическому подвигу Каія-Муція, прозваннаго потомъ, по причинѣ лишенія правыя руки, Сцеволою, то есть лѣвшою.

Тако Римъ, бывшій потомъ надмѣннымъ обладателемъ вселенныя, Римъ, касавшійся погибели своея, спасенъ мужествомъ единаго токмо своего гражданина.

Кого по истиннѣ не восхититъ любовь Сцеволы къ отечеству? Кто не будетъ удивляться отважности предпріятія его, твердой рѣшительности во исполненіи онаго и превознесенности надъ чувствіями жесточайшаго мученія, когда онъ сожигалъ свою руку? Не всякой ли спроситъ: откуда произтекаетъ толикое мужество? Что возноситъ человѣка превыше человѣка? Что отваживаетъ его дерзать на дѣянія, требующія самоотреченія и болѣе нежели пожертвованія жизнію, то есть готовности на ужаснѣйшія мученія? Общій образъ мыслей и воспитаніе поддерживающее оный.

Въ перьвыя времена Рима, когда богатство, роскошь и иноплеменники не разпилили еще нравовъ гражданъ его, любовь къ отечеству, была сладосшнѣйшимъ чувствованіемъ всѣхъ сердецъ, любезнѣйшимъ предмѣтомъ, къ которому всѣ стремились и которымъ всѣ занимались. Отечество, сіе священнѣйшее имя, безпрестанно твердилось въ устахъ отцевъ, въ устахъ матерей, въ устахъ ихъ чадъ. Тогда, разсуждая о гражданинѣ, не спрашивали: богатъ ли онъ? любезенъ ли въ бесѣдахъ? ведетъ ли большія игры? роскошно ли живетъ? имѣетъ ли великолѣпные чертоги, открытые столы? Но спрашивали, что онъ здѣлалъ для пользы и славы отечества? гдѣ былъ во сраженіяхъ? сколько получилъ почетныхъ ранъ? Коликое число спасъ гражданъ отъ меча враговъ? или, во время мира, какія несъ гражданскія должности? Кого защитилъ отъ руки сильнаго? Чѣмъ споспѣшествовалъ благу общему? Слѣдуя сему образу мыслей, презирали и изключали отъ всѣхъ должностей гражданскихъ, отъ всѣхъ частныхъ собра-

ній, отъ всѣхъ семейственныхъ союзовъ, того, кто не являлъ благоговѣнія къ богамъ, безмолвнаго повиновенія къ начальству, глубочайшаго почтенія къ родителямъ, уваженія къ старѣйшинамъ, непоколебимыя честности въ своихъ поступкахъ, непреклонныя правоты въ дѣлахъ гражданскихъ, твердыя привязанности къ отечественнымъ обычаямъ; того, кто не гордился священнымъ именемъ сына отечества, не содѣйствовалъ благоденствію и славѣ онаго, согражданамъ своимъ предпочиталъ каждаго пришельца, велъ жизнь праздную и жено-подобную, любилъ паче жизнь, нежели славу и безсмертіе въ потомствѣ, бывъ на брани уклонялся опасностей, не спасъ ни единаго гражданина.

Сей-то образъ мыслей былъ источникомъ, или паче сказать, душею той доблести, той любви къ отечеству, которую мы зримъ въ подвигѣ Сцеволы. Сей-то образъ мыслей творилъ Римъ многіе вѣки обладателемъ міра и торжествующимъ по всюду. Въ послѣдствіи времени сей образъ мыслей поколебался,

измѣнился и наконецъ совсемъ изчезъ. Пороки заступили мѣсто добродѣтелей, любовь къ отечеству превратилась въ себялюбіе, благоговѣніе къ богамъ въ вольнодумсиво, философіею здраваго разсудка именующееся, безмолвное повиновеніе къ начальству въ дерзновенное и строптивое объ ономъ сужденіе, почтеніе къ родителямъ и старѣйшинамъ въ неуваженіе, честность пріяла имя глупости; Римляне престали гордиться имянемъ Римлянина, отвергли обычаи предковъ своихъ, стали искать отечества внѣ самаго отечества; въ Римѣ не было уже Римлянъ; тогда и Римъ содѣлался добычею народовъ, побѣжденныхъ отъ него, лишился своея славы и потерялъ владычество надъ міромъ, чтившимъ его законы; тогда—престали рождаться и Сцеволы....

С. Филатовъ.

М. . . . . М. . . .

Здравія желаетъ.

Пріятно говорить, имѣя дарованье,
Ты къ спатѣ сохранить умѣешь и молчанье;
И такъ хочу тебя, любезный другъ, спросить,
Молчать ли должно мнѣ, иль должно говорить?
Проститься ли на вѣкъ съ моею должень лирой,
Или еще, ища прославиться сатирой,
Писателямъ дурнымъ вновь объявить войну?
Надъ ними я шутилъ, какъ умъ мой въ старину,
Забывъ о мудрости, блестѣть собою тщился
И слабостьми другихъ коварно веселился;
Но нынѣ стукнуло ужъ тридцать пять мнѣ лѣтъ,
Въ размѣрѣ я другомъ смотрю на бѣлый свѣтъ,
Порывы гордости ужъ время укротило,
Не славы я ищу, спокойствіе мнѣ мило;
Свободно рифмачамъ теперь меня бранить
И ядъ противъ меня въ стихи холодны лить,
Самъ даже **** ругаться мною воленъ,
Пылъ юныхъ лѣтъ прошелъ, я спалъ и тихъ и скроменъ,
Чтобъ защищать себя, пера не омочу,

За брань не складную забвеньемъ отплачу.
Такъ философствуя, разсудка быв во власти,
Врагами буду чтить мои лишь только страсти,
Мечтаньи бросивъ всѣ и мудрость полюбя,
Займусь наукою знать самого себя.
И впрямь, что нужды мнѣ въ дѣла другихъ мѣшаться,
На свѣтѣ можетъ всякъ, чѣмъ хочетъ, заниматься,
Пускай нашъ Ахалкинъ стремится въ новый путь
И вздохами свою наполня томну грудь
Опишетъ, свойства плаксъ давъ Игорю и Кію,
И добринькихъ Славянъ и милую Россію.
**** Пускай Царя Великаго поетъ,
Ни мертвымъ, ни живымъ покоя не даетъ,
Пусть списокъ послужный поэмой называетъ,
Спокойства моего ничто не нарушаетъ.
И на пучинѣ сей, по коей мы плывемъ,
Хочу я запастись компасомъ и рулемъ,
Чтобъ можно было мнѣ, при случаѣ волненья,
Разсудокъ мой спасти, коль льзя, отъ потопленья.
Спокойствія души мы ищемъ всякій часъ,
Сей щастливый покой находится лишь въ насъ.

Смотри, какъ сей чудакъ, ни чемъ не бывъ доволенъ,
Скучаетъ въ городѣ, въ деревнѣ тѣмъ же болѣнъ;
Онъ скачетъ, скуку, грусть разсѣять по-полямъ,
Но скука, грусть за нимъ въ слѣдъ гонятъ по пятамъ.

45. Что въ древни времяна бѣдъ столько причинило
И въ Александра жаръ къ побоищамъ вселило?
То скука, и Монархъ терзаемый тоской,
Боялся самъ себя, боялся быть съ собой.
Воинъ, чемъ онъ бывъ гонимъ, къ предѣламъ шелъ вселенной,

50. Гдѣ жизнь покойну велъ Персъ въ роскошь погруженный.
Причиной главною мы сами нашихъ бѣдъ,
Бѣжимъ самихъ себя, стремясь мечтаньямъ въ слѣдъ.
На что намъ золото отъискивать въ Сибирѣ?
То щастье, коего мы ищемъ въ здѣшнемъ мірѣ,

55. За коимъ за моря изъ насъ всякъ плыть готовъ,
Не извлекается изъ мрачныхъ рудниковъ;
Оно всегда при насъ и съ нами обитаетъ.
Доволенъ малымъ кто, тотъ всемъ здѣсь обладаетъ;

А мы судьбу свою докукою трудимъ
И нужд своихъ не знавъ, не нужнаго хотимъ. —
„О естлибы мой тесть, зачахнувъ, сей зимою
„Отправился отсель и къ вѣчному покою,
„Оставя деньги мнѣ, скорѣе отошелъ,
„День смерти бы его я къ щастливымъ причелъ,
„Издержекъ бы жалѣть не сталъ на погребенье
„И въ траурѣ по немъ увидѣлъ утѣшенье.“ —
Такъ зять откупщика не давно говорилъ
И въ нуждѣ жизнь ведя, учтивъ, уступчивъ былъ;
Тесть умеръ, къ зятю все имѣніе попало,
Бѣднякъ, разбогатѣвъ, щасливѣель хоть мало?
Ахъ нѣтъ,—и деньги лишь успѣлъ перещитать,
Ужъ барамъ знатнымъ онъ желаетъ подражать;
Бывъ сыномъ чумака, но мысля лишь о чванствѣ,
Дипломъ и грамоту всѣмъ кажетъ о дворянствѣ,
И то, что путнаго въ немъ было, потерялъ;
Нахаленъ, дерзокъ, грубъ и всѣмъ несносенъ сталъ,
О новыхъ барышахъ по всякій часъ мечтаетъ,

А между тѣмъ груститъ, хлопочетъ и скучаетъ
И будетъ самъ себѣ онъ въ тягость наконецъ.
Счастливѣй бы онъ былъ, коль также, какъ отецъ,
За стойкою сидя, услуживалъ народу,
Лишь въ пѣнное вино не вмѣшивалъ бы воду.
О заключеньи семъ не могутъ тѣ судить,
Которыхъ ложный блескъ удобенъ ослѣпить:
О деньгахъ всѣ кричатъ, безъ денегъ все ничтожно,
Быть добродѣтельнымъ безъ денегъ не возможно,
За деньги въ честные попасться можетъ плутъ,
За деньги неуча ученымъ назовутъ.—
(Бездушникъ говоритъ, ставъ плутнями извѣстенъ)
„Что нужды, что весь свѣтъ твердитъ, что я безчестенъ,
„Достоинствъ въ сундукѣ имѣю милліонъ
„И почитать меня всегда заставитъ онъ.
„Богатство все въ себѣ достоинство включаетъ.„—
Такъ, совѣсть усыпя, Лукавинъ разсуждаетъ;
Но не опасенъ блескъ обманчивый сей мнѣ;

Не ставлю знанье, умъ, съ богатствомъ наровнѣ;
Почтеннѣй бѣдностью Добропшинъ отягченный,
Чѣмъ Плутяковъ, семействъ несчастьемъ утучненный.
Однакожъ не щитай, чтобы я сходенъ былъ
Съ тѣмъ страннымъ мудрецомъ, что въ морѣ потопилъ
Имѣнье, говоря: теперь я сталъ свободенъ.—
Съ разсудкомъ здравымъ былъ поступокъ сей не сходенъ;
Но я твержу одно, знавъ опытомъ сей свѣтъ,
Что разсудительнымъ, во многомъ нужды нѣтъ,
За что же намъ, скажи, стремиться за мечтою?
Во весь мой вѣкъ судя, какъ здѣсь сужу, съ тобою,
Я хуже ли другихъ на свѣтѣ семъ живу?
Здѣсь богачей тебѣ до сотни назову,
Съ которыми судьбой моей не промѣняюсь,
Они вѣкъ мучатся, я жизнью наслаждаюсь,
Межь дружбы и любви свободно я дышу,
Смѣюся глупостямъ, подъ часъ стихи пишу.
Такъ счастіе мои желанья превышаетъ
И оборотъ его меня не устрашаетъ;
Вольно на колесѣ иныхъ ему кашать,

А я подъ скрыпомъ симъ покойно буду спать.
Но есть ли бы когда мой нравъ перемѣнился
И блескомъ суетнымъ богатства я прель-
стился;
Тогда ты пожалѣй, любезный другъ, о томъ,
Что щастія ищу ужъ не въ себѣ самомъ.

Сергѣй Маринъ.

МЫСЛИ РАЗНЫХЪ СОЧИНИТЕЛЕЙ.

Сколько хорошихъ деревъ въ лѣсу, на которые ни кто не смотритъ. Худшія изъ нихъ посажены въ Англійскій садъ и ими восхищаются.

*

На многихъ богачей глядя, заключишь, что Богъ, при разпредѣленіи смертнымъ благъ, деньги считалъ за бездѣлицу.

*

Хорошо пообѣдавъ, какъ можно понять, чтобъ кто нибудь умеръ съ голоду.

*

Своими глазами не видя, возможно ли представить себѣ разницу, которую число копеекъ между людьми полагаетъ.

*

Когда человѣкъ совлечется знати и богатства; то появятся въ немъ недостатки, знатью и богатствомъ прикрываемые, кои до того не видимы были.

*

Знатная порода и богатство предваряетъ о достоинствѣ и заставляетъ скорѣе его примѣтить.

*

Богатство откупщиковъ уподобить можно прекрасной декораціи на театрѣ; посмотри же за кулисами, что надобно было дѣлать для устовленія оной, сколько веревокъ, сколько попу и часто опасности.

*

Умный и глупый взаимно убѣгаютъ другъ друга, боясь скуки.

*

Довѣренность не полная опасна; съ лишкомъ много уже сказано тому, отъ кого остальное скрыть должно.

*

Лучше слушать вздоръ, нежели разказы о томъ, что уже всѣ знаютъ.

*

Не прочна дружба, буде недостатки взаимно не прощаются.

*

Удовольствіе въ обществѣ произходитъ отъ сообразности вкусовъ и разнообразности мнѣній.

*

Хитръ тотъ, кто обманываетъ, но тотъ хитрѣй, кто обманутымъ быть притворяется.

*

Насмѣшку надъ небольшими нашими недостатками мы извиняемъ. Такіе то только

и для насмѣшки надъ другимъ избирать должно.

*

Кто поставленъ въ такое положеніе, что надъ нимъ пошутить не льзя, тому не должно позволять себѣ шутить надъ другими.

*

Легче и полезнѣе принаравливаться къ другимъ, нежели другихъ заставить принаравливаться къ себѣ.

*

Не терпѣть глупыхъ есть знакъ не совсѣмъ хорошаго свойства. Всякая монета нужна въ торговомъ обращеніи.

*

Умный и въ тоже время гордый человѣкъ, отъ несчастія не исправляется; счастіе его поправить можетъ.

*

Учтивство есть уловка, чтобъ другіе и тобою и собою были довольны.

*

Великое несчастіе не имѣть столько ума, чтобъ говорить, и столько разсужденія, чтобъ молчать. Всѣхъ глупостей сіе есть начало.

*

А. Хвостовъ.

РАЗКАЗЪ ТЕРАМЕНА.

Едва мы за собой оставили Трезенъ,
На колесницѣ онъ бывъ стражей окруженный
Стопами тихими уныло провожденный,
Задумчиво сидя къ Меценѣ путь склонялъ,
И пущенныхъ изъ рукъ возжей не напрягалъ.
Прекрасные кони бывъ прежде горделивы,
По голосу его и кротки и рѣтивы,
Шли преклоня главы и тускомъ ихъ очей
Казались сходны съ нимъ печалію своей. —
Тутъ вдругъ ужасный шумъ сквозь моря влагу бурну
Возсталъ и возмутилъ всю тишину лазурну,
Стонъ гулами изъ нѣдръ подземныхъ отразясь,
Вкругъ глухо отвѣчалъ на волнъ ревущихъ глась;
Проникъ намъ мразъ сердца, застыла кровь симъ дивомъ,
У смѣтливыхъ коней возстали гривы дыбомъ;
Изъ черныхъ бѣзднъ тогда средь блѣдна лона волнъ
Поднявшися, возсталъ огромный водный холмъ,
Предъ нимъ бѣгущій валъ скача, плеща, стремился
И въ пѣнистыхъ клубахъ въ немъ чудный звѣрь явился:
Широкое чело, рогастое грозитъ,

Какъ мѣдна чешуя, блестя на немъ горитъ,—
Подводный былъ то волъ, или драконъ ужасный, —
Крутя, горбя хребетъ и ошибъ вьющій спрашный
Завылъ, — и со бреговъ вдругъ отгласился вой;
Померкли небеса его зря подъ собой,
Земля содрогнулась, весь воздухъ заразился,
Принесшій валъ его вспять съ ревомъ откатился;
Бѣжало въ страхѣ всѣ не смѣя противъ стать,
И всякъ искалъ себя въ ближайшемъ храмѣ спасть;
Но только Ипполитъ, достойный сынъ Героя,
Коней остановя, какъ бы среди покоя,
Береть свое копье, къ чудовищу летитъ
И въ чревѣ язву имъ широкую творитъ,
Страшилище съ копья вспрянувъ остервенѣло;
Но падши подъ коней трепещущи ревело,
Катялось по песку зевъ рдяный разверзавъ,
Рыгало кровь и дымъ и пламенемъ дыхавъ,
Коней страшило, жгло. — Тутъ кони обуяли,
И въ первой разъ еще внимать его престали,
Не слушаютъ, летятъ, сталь въ зубы закуся,
Кровь съ пѣной съ броздъ ліютъ чрезъ всѣ его неся,
И даже говорятъ, что въ страшномъ семъ раскакѣ

Богъ нѣкій ихъ чрева бодалъ во пыльномъ мракѣ;
Съ размаху врынулась упряжка между скалъ,
Ось хряснула сломясь, — и твой безстрашный палъ
Со колесницы сынъ, ее зря раздробленной,
Помчался въ слѣдъ коней возжами заплетенной.
Прости мнѣ, Государь, мой плачь! — Сей страшный видъ
По гробъ мой жалости слезъ токи источитъ!
Самъ видѣлъ Государь, — иначе бъ не повѣрилъ —
Твой влекся сынъ коньми, которыхъ онъ лелѣилъ;
Хотѣлъ остановить; но гласомъ ихъ пужалъ,
Поколь самъ кровью весь облившись трупомъ сталъ.
Стенаньми нашими окрестность оглашалась;
Но ярость конская отнюдь не уменьшалась. —
Остановилися ужъ сами близь гробницъ,
Гдѣ древнихъ прахъ Царей почіетъ и Царицъ. —
Бѣгу туда, воплю, — и стража вся за мною,
Истекша кровь струей вела насъ за собою,
Покрыты камни ей, обвитъ власами тернъ,
По коему онъ былъ порывисто влеченъ. —
Пришедъ его зову. — Онъ длань простря мнѣ блѣдну
Открылъ полмертвый взоръ и низпустилъ духъ въ бездну,
Сказавъ: „Безвинно рокъ мои опьемлетъ дни. —

„Арисію по мнѣ, любезный другъ, храни. —
„И выдетъ мой отецъ когда изъ заблужденья,
„Къ сыновней злой судьбѣ окажетъ сожалѣнья,
„Проси, печальну тѣнь спокоилъ чтобъ мою,
„Ко плѣнницѣ явилъ щедроту бы свою
„И ей бы возвратилъ . . . . . “ При сихъ словахъ мгновенно
Оставилъ намъ герой лишь тѣло обагренно, —
Печальнѣйшій предмѣтъ свирѣпости Боговъ, —
Кого бы не позналъ и самый взоръ Отцовъ.

Державинъ.